

Сакариас Топелиус

Сказки горного короля

Санкт-Петербург

Амфора

2010

Пересказала А. И. Любарская

Стихи в переводе С. И. Хмельницкого

Иллюстрации Н. Петровой

*Защиту интеллектуальной собственности и прав
издательской группы «Амфора»
осуществляет юридическая компания
«Усков и Партнеры»*

Топелиус С.

Т 58 Сказки горного короля / Сакариас Топелиус : [пересказ А. Любарской]. — СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2010. — 96 с. : ил. — (Серия «Зимняя сказка»).

ISBN 978-5-367-01498-3

Замечательный финляндский писатель, поэт и учёный Сакариас Топелиус (1818–1898) был младшим современником Х. К. Андерсена, а у себя на родине любим так же, как Пушкин в России.

В эту книгу вошли самые известные сказки Топелиуса в классическом пересказе детской писательницы и переводчицы А. И. Любарской.

УДК 82-93
ББК 84(4Фн)

ISBN 978-5-367-01498-3

© Любарская А. И.,
наследники, пересказ,
наследники, 2010
© Оформление.
ЗАО ТИД «Амфора», 2010

Зимняя сказка

В большом дремучем лесу, далеко на севере Финляндии, росли друг возле друга две сосны.

Они были такие старые, такие старые, что никто — даже седой мох — не мог припомнить, были ли они когда-нибудь молодыми, тонкими сосенками.

Отовсюду были видны их тёмные вершины, поднимавшиеся над чащей леса.

Весной в густых ветвях старых сосен пел весёлые песенки дрозд, а маленькие розовые цветы вереска поднимали свои головки и смотрели снизу вверх так робко, будто хотели сказать: «Ах, неужели и мы будем такими же большими и такими же старыми?»

Зимой, когда метель закутывала всю землю белым одеялом и цветы вереска спали под пушистыми снежными сугробами, две сосны, словно два великана, сторожили заснувший лес.

Зимняя буря шумела и бушевала в лесной чаще, срывала снег с голых веток, ломала вершины деревьев, валила наземь крепкие стволы. И только сосны-великаны всегда стояли твёрдо и прямо, и никакой ураган не мог заставить их склонить головы.

А ведь если ты такой сильный и стойкий — это что-нибудь да значит!

У опушки леса, где росли старые сосны, на небольшом пригорке ютилась хижина, крытая дёрном, и двумя маленькими окошками смотрела в лес. В этой хижине жил бедный крестьянин со своей женой.

Тут же за домом у них был клочок земли, на котором они сеяли хлеб, и небольшое картофельное поле. А зимой крестьянин ещё промышлял лесом — рубил деревья и возил брёвна на лесопильню, чтобы заработать немного на молоко и масло. Так они и жили. И, пожалуй, лучше, чем многие другие.

У крестьянина и его жены было двое детей — мальчик и девочка. Мальчика звали Сильвестр, а девочку — Сильвия. И где только нашли для них такие имена! Наверно, в лесу. Ведь слово «сильва» на древнем латинском языке значит «лес».

Однажды — это было зимой — брат и сестра, Сильвестр и Сильвия, пошли в лес, чтобы посмотреть, не попался ли в силки, которые они расставили, какой-нибудь лесной зверёк или птица.

И верно, в одном силке запутался заяц-беляк, а в другой попала белая куропатка.

— Отпусти меня! — пролопотал заяц, когда Сильвестр подошёл к нему.

— Отпусти меня! — пропищала куропатка, когда Сильвия наклонилась над ней.

Сильвестр и Сильвия очень удивились. Никогда ещё они не слышали, чтобы лесные звери и птицы говорили по-человечьи.

— Давай-ка и вправду отпустим их! — сказала Сильвия.

И вместе с братом она принялась распутывать силки.

Почуввав свободу, заяц опрометью поскакал вглубь леса, да так быстро, как могли унести его ноги.

А куропатка взлетела так высоко, как могли поднять её крылья, и тоже скрылась в лесной чаще.

— Подопринебо!.. Подопринебо всё вам даст, что захотите! — крикнул заяц на скаку.

— Просите Зацепитучу! Зацепитучу просите!.. — прокричала куропатка на лету.

И снова в лесу стало совсем тихо.

— Что это они говорили? — сказал наконец Сильвестр. — Про каких это Подопринебо и Зацепитучу?

— Никогда я не слыхала таких странных имён, — сказала Сильвия. — Кто бы это мог быть?

В это время сильный порыв ветра пронёсся по лесу. Вершины старых сосен зашумели, и в их шуме Сильвестр и Сильвия ясно расслышали слова.

— Ну что, дружище, стоишь ещё? — спросила одна сосна у другой. — Ещё держишь небо? Недаром ведь лесные звери так и прозвали тебя — Подопринебо!

— Стою! Держусь! — загудело в ветвях второй сосны. — А ты как, старина? Всё воюешь с тучами? Ведь не зря и про тебя говорят — Зацепитучу!

— Что-то слабею я, — прошелестело в ответ. — Нынче вот ветер обломил у меня верхнюю ветку. Видно, и вправду старость приходит!

— Грешно тебе жаловаться! — зашумела сосна. — Тебе ведь всего только триста пятьдесят лет! Ты совсем ещё дитя! Совсем дитя! А вот мне уже триста семьдесят восемь стукнуло!

И старая сосна тяжело вздохнула.

— Смотри, вон возвращается ветер, — прошептала другая сосна, та, что была помоложе. — Под его свист так хорошо петь песни! Давай-ка споём с тобой про далёкую старину, про нашу молодость. Ведь нам с тобой есть о чём вспомнить!

И под шум лесной бури сосны, качаясь, запели свою песню:

Мы скованы стужей, мы в снежном плену!
Бушует и буйствует вьюга.
Под шум её клонит нас, древних, ко сну
И давнюю видим во сне старину —
То время, когда мы, два друга,
Две юных сосны, поднялись в вышину
Над зыбкою зеленою луга.

Фиалки у наших подножий цвели,
Белили нам хвою метели,
И тучи летели из мгlistой дали,
И бурею рушило ели.
Мы к небу тянулись из мёрзлой земли.
Нас даже столетья согнуть не могли
И вихри сломить не посмели...

— Да, нам с тобой есть о чём вспомнить, есть о чём порассказать, — сказала сосна (та, что была постарше) и тихонько заскрипела. — Давай-ка поговорим с этими детьми. — И одна её ветка качнулась, как будто показывая на Сильвестра и Сильвию.

— О чём это они хотят с нами поговорить? — сказал Сильвестр.

— Лучше пойдём домой, — шепнула Сильвия брату. — Я боюсь этих деревьев. И песня у них такая странная!

— Подожди, — сказал Сильвестр. — Чего их бояться!.. Да вон и отец идёт!

И верно, по лесной тропинке пробирался их отец с топором на плече.

— Вот это деревья так деревья! Как раз то, что мне нужно, — сказал крестьянин, останавливаясь около старых сосен.

Он уже поднял топор, чтобы подрубить сосну, — ту, что была постарше, — но Сильвестр и Сильвия вдруг с плачем бросились к отцу.

— Батюшка, — стал просить Сильвестр, — не тронь эту сосну! Это Подопринебо!..

— Батюшка, и эту не тронь! — просила Сильвия. — Её зовут Зацепитучу. Они обе такие старые! А сейчас они пели нам песенку...

— Чего только ребята не выдумают! — засмеялся крестьянин. — Где же это слыхано, чтобы деревья пели! Ну да ладно, пусть себе стоят, раз вы за них так просите. Я найду себе и другие.

И он пошёл дальше, вглубь леса, а Сильвестр и Сильвия остались возле старых сосен, — ведь всё-таки интересно было послушать, что скажут им эти лесные великаны!

Ждать им пришлось недолго. В вершинах деревьев снова зашумел ветер. Он только что был на мельнице и так яростно работал, что от жерновов дождём сыпались во все стороны искры. А теперь ветер налетел на сосны и принялся бушевать в их ветвях с такой силой, точно это были не ветви, а мельничные крылья.

Старые ветви загудели, зашумели, заговорили.

— Вы спасли нам жизнь! — говорили сосны Сильвестру и Сильвии. — Просите же теперь у нас всё, что хотите.

Но, оказывается, не всегда легко сказать, чего ты больше всего хочешь. Сколько ни думали Сильвестр и Сильвия, а ничего не придумали, словно им и желать было нечего.

Наконец Сильвестр сказал:

— Я бы хотел, чтобы хоть ненадолго выглянуло солнце, а то в лесу совсем не видно тропинок.

— Да-да, и я бы хотела, чтобы поскорее пришла весна и растаял снег! — сказала Сильвия. — Тогда и птицы снова запоют в лесу...

— Ах, что за безрассудные дети! — зашелестели сосны. — Ведь вы могли пожелать столько прекрасных вещей! И богатство, и почести, и слава — всё было бы у вас!.. А вы просите о том, что сбудется и без вашей просьбы... Но теперь ничего не поделаешь, надо выполнить ваше желание. Слушай же, Сильвестр: куда бы ни пошёл ты, на что бы ты ни взглянул, повсюду тебе будет светить солнце. И твоё желание, Сильвия, будет исполнено: куда бы ты ни пошла, о чём бы ни заговорила, всегда вокруг тебя будет таять холодный снег и цвести весна.

— Ах, это больше, чем мы хотели! — воскликнули Сильвестр и Сильвия. — Спасибо вам, милые сосны, за ваши чудесные подарки! А теперь прощайте! — И они побежали домой.

По дороге Сильвестр то и дело оглядывался, высматривая куропаток, и — странное дело! — в какую бы сторону он ни поворачивался, всюду мелькал перед ним луч солнца.

— Смотри! Смотри! Солнце выглянуло! — крикнула Сильвия брату.

Но едва успела она открыть рот, как снег кругом начал таять, по обеим сторонам тропинки зазеленела трава, деревья покрылись свежей листвой, а высоко-высоко в синеве неба послышалась песня первого жаворонка.

— Ах, как весело! — воскликнули в один голос Сильвестр и Сильвия.

И чем дальше они бежали, тем теплее пригревало солнце, тем ярче зеленели трава и деревья.

— Мне светит солнце! — закричал Сильвестр, вбегая в дом.

— Что ж тут удивительного? Солнце всем светит, — сказала мать.

— А я могу растопить снег! — закричала Сильвия.

— Ну, это каждый может, — сказала мать. — Дело нехитрое!

Но прошло немного времени, и она сама стала удивляться тому, что увидела. На дворе уже совсем стемнело, наступил вечер, а в избушке у них всё ещё светило яркое солнце. И так было до тех пор, пока Сильвестру не захотелось спать и глаза у него не закрылись. Но это не всё! Зиме ещё конца не было видно, а в маленькой хижине вдруг повеяло весной. Даже старый, засохший веник в углу и тот начал зеленеть, а петух на своём насесте принялся петь во всё горло. И он пел до тех пор, пока Сильвии не надоело болтать и она не заснула крепким сном.

Поздно вечером вернулся домой крестьянин.

— Послушай, отец, — сказала жена, — боюсь я, не околдовал ли кто наших детей. Что-то чудное делается у нас в доме!

— Вот ещё что придумала! — сказал крестьянин. — Ты лучше послушай, мать, какую новость я принёс. Ни за что тебе не догадаться! Завтра в наш город придут собственными персонами король и королева. Они ездят по всей стране и осматривают свои владения. Как

ты думаешь, не отправиться ли нам с детьми посмотреть на королевскую чету?

— Что ж, я не прочь, — сказала жена. — Ведь не каждый день в наши места приезжают такие важные гости.

На другой день чуть свет крестьянин с женой и детьми собрались в путь. По дороге только и было разговоров, что про короля и королеву, и никто не заметил, что всю дорогу солнечный луч бежал перед саними (хотя всё небо было обложено низкими тучами), а берёзки кругом покрывались почками и зеленели.

Когда сани въехали на городскую площадь, народу там было видимо-невидимо. Все с опаской поглядывали на дорогу и тихонько перешёптывались. Говорили, что король и королева очень недовольны своей страной: куда ни приедешь — повсюду снег и холод, пустынные, дикие места.

Король, как ему и полагается, был очень строг. Он сразу решил, что во всём виноват его народ, и собирался как следует всех наказать.

Про королеву рассказывали, что она совсем замёрзла и, чтобы согреться, всё время топает ногами.

И вот наконец показались королевские сани.

Народ так и замер от страха.

На площади король приказал кучеру остановиться, чтобы переменить лошадей.

Король сидел, сердито нахмутив брови, а королева горько плакала.

И вдруг король поднял голову, посмотрел по сторонам — туда, сюда — и громко рассмеялся, совсем так, как смеются обыкновенные люди.

— Посмотрите-ка, ваше величество, — обратился король к королеве, — как приветливо светит солнце! Право, здесь не так уж плохо... Мне даже стало почему-то весело.

— Это, наверно, потому, что вы изволили хорошо позавтракать, — сказала королева. — Впрочем, мне тоже стало веселее.

— Это, вероятно, потому, что ваше величество хорошо выспались, — сказал король. — Однако, эта пустынная страна очень красива! Взгляните, как ярко освещает солнце вон те две сосны, что виднеются вдалеке. Положительно, это прелестное место! Я прикажу построить здесь дворец.

— Да-да, непременно надо построить здесь дворец, — согласилась королева и даже на минуту перестала топтать ногами. — Вообще здесь совсем не плохой климат. Посмотрите-ка — середина зимы, а деревья и кусты зелёные, как в мае. Это прямо невероятно!

Но ничего невероятного в этом не было. Просто Сильвестр и Сильвия взобрались на изгородь и, чтобы лучше разглядеть короля и королеву, вертелись во все стороны, поэтому солнце так и сияло вокруг и даже сухие жерди старой изгороди покрылись свежей листвой.

— Что это за милые дети? — спросила королева, взглянув на Сильвестра и Сильвию. — Пусть они подойдут ко мне.

Сильвестр и Сильвия никогда раньше не имели дела с коронованными особами, поэтому они смело подошли к королю и королеве.

— Послушайте, — сказала королева, — вы мне очень нравитесь. Когда я смотрю на вас, мне становится веселее и даже как будто теплее. Хотите жить у меня во дворце? Я прикажу нарядить вас в бархат и золото, вы будете есть на хрустальных тарелках и пить из серебряных стаканов. Ну что, согласны?

— Благодарим вас, ваше величество, — сказала Сильвия, — но мы лучше останемся дома с отцом и матерью.

— Кроме того, во дворце мы будем скучать без наших друзей, — сказал Сильвестр.

— А нельзя ли их тоже взять во дворец? — спросила королева. Она была в отличном расположении духа и нисколько не сердилась, что ей возражают.

— Нет, это невозможно, — ответили Сильвестр и Сильвия. — Они растут в лесу. Одного зовут Подопринебо, а другого — Зацепитучу...

— Что только не придёт в голову детям! — воскликнули в один голос король и королева и при этом так дружно рассмеялись, что королевские сани и те запрыгали на месте.

Наконец король приказал распрягать лошадей, и каменщики принялись сейчас же строить новый дворец.

Как ни странно, король и королева были на этот раз очень добры и милостивы. Они никого не наказали и даже распорядились, чтобы их казначей дал всем, кто был на площади, по золотой монете.

А Сильвестр и Сильвия получили вдобавок ещё королевский крендель. Сам королевский булочник испёк его в дорогу для короля и королевы. Крендель был такой

большой, что четвёрка королевских коней везла его на отдельных санях.

Сильвестр и Сильвия угостили кренделем всех детей, и всё-таки остался ещё такой большой кусок, что бедная крестьянская лошадёнка едва дотащила его до дому.

На обратном пути жена крестьянина шепнула мужу:

— А ты знаешь, почему король и королева были сегодня так милостивы? Потому что Сильвестр и Сильвия смотрели на них и разговаривали с ними. Вспомни-ка, что я тебе вчера говорила!

— Это про колдовство-то? — сказал крестьянин. — Пустое!

— Да посуди сам, — не унималась жена, — где это видано, чтобы зимой распускались деревья и чтобы король и королева никого не наказывали? Уж поверь мне, тут какое-то колдовство замешано!

— Всё это бабьи выдумки! — сказал крестьянин. — Просто дети у нас хорошие — вот все и радуются, на них глядя!

И верно, куда бы Сильвестр и Сильвия ни пришли, с кем бы ни заговорили, у всех на душе сразу делалось теплее и светлее. А так как Сильвестр и Сильвия всегда были приветливы и веселы, то никто и не удивлялся, что они доставляют всем радость. Всё вокруг них цвело и зеленело, пело и смеялось. Пустынные земли возле избушки, где жили Сильвестр и Сильвия, превратились в богатые пашни и луга, и в лесу даже зимой пели весенние птицы.

Скоро Сильвестр был назначен королевским лесничим, а Сильвия — королевской садовницей.

Ни у одного короля, ни в одном королевстве не было никогда такого чудесного сада! Да и немудрено! Ведь ни один король не мог заставить солнце слушать-

ся его приказаний. А Сильвестру и Сильвии солнце светило всегда, когда они хотели. Поэтому в саду у них всё цвело так, что любо было смотреть!

Прошло несколько лет.

Однажды глухой зимней порой Сильвестр и Сильвия пошли в лес, чтобы навестить своих старых друзей.

В лесу бушевала буря, в тёмных вершинах сосен гудел ветер, и под его шум сосны пели свою песню:

Стоим, как бывало, крепки и стройны.
То выпадет снег, то растает...
И посмотрим два друга, две старых сосны,
Как снова сменяется зелень весны
Снегами белей горностая,
Как тучи проходят, дождями полны,
И птичьи проносятся стаи.

Сосновая хвоя свежа и густа —
Завидуйте, вязы и клёны!
Зима не оставит на вас ни листа —
Развеет наряд ваш зелёный!
Но вечная соснам дана красота.
В подземные недра ушла их пята,
А в небо — высокая крона.

Пускай непогода бушует кругом —
Сосну не повалит ни буря...

Но не успели они допеть песню до конца, как внутри стволов что-то затрещало, закрипело, и обе сосны повалились на землю. Как раз в этот день младшей исполнилось триста пятьдесят пять лет, а старшей — триста девяносто три года. Что ж тут удивительного, что ветры наконец осилили их!

Сильвестр и Сильвия ласково потрепали седые, поросшие мхом стволы мёртвых сосен и такими добрыми словами помянули своих друзей, что снег кругом начал таять и розовые цветы вереска выглянули из-под земли. И столько их было, что скоро они закрыли старые сосны от самых корней до самых вершин.

Эту историю о Сильвестре и Сильвии я слышал давным-давно. Наверно, теперь они сами состарились и поседели, а короля и королевы, которых все так боялись, и вовсе нет на свете.

Но каждый раз, когда я вижу детей, мне кажется, что это Сильвестр и Сильвия.

А может быть, старые сосны одарили своими чудесными дарами всех детей, которые живут на свете? Что ж, в этом нет ничего невозможного.

Однажды, в пасмурный, ненастный день, мне встретились мальчик и девочка.

И сразу в сером тусклом небе словно промелькнул луч солнца.

Дети шли, разглядывая всё по сторонам, и я вдруг увидел, что отовсюду им светит солнце, всё кругом светлеет и даже хмурые лица прохожих становятся приветливее...

Вот тогда среди зимы вдруг наступает весна. Тогда и лёд начинает таять — на окнах и в сердцах людей. Тогда даже старый веник в углу покрывается свежими листьями, на сухой изгороди распускаются розы, а под высоким сводом неба поют весёлые жаворонки.

Сампо-Лопарёнок

Жили-были когда-то лопарь и лопарка, муж и жена. А знаешь ли ты, что за народ лопари и где они живут? Вот послушай, сейчас я тебе расскажу.

Живут лопари далеко на севере — севернее, чем шведы, норвежцы и финны.

Если ты взглянешь на большую карту, ты увидишь: как будто белый колпак надет на голову Финляндии. Вот это и есть страна, где живут лопари. Называется она Лапландия.

Удивительная это страна! Полгода там не заходит солнце, и тогда ночью, так же, как днём, совсем светло. А потом полгода длится непрерывная ночь, и тогда даже днём на небе сверкают звёзды.

Зима там тянется целых десять месяцев — почти весь год, — а на весну, лето и осень остаётся всего только два месяца.

Но лопари не боятся зимы. Пусть хоть круглый год держится санный путь! Все они — и взрослые и маленькие — где угодно проедут в своих небольших, лёгких, похожих на лодочки санях.

И в упряжке там ходят не лошади, а олени.

Ты видел когда-нибудь северного оленя?

Он похож на низкорослую лошадку, шерсть у него серая, шея короткая, а его маленькую голову с большими ясными глазами украшают ветвистые рога.

И когда олень бежит, кажется, будто ветер пронесётся по горам и холмам, взметая целые тучи снега.

А знаешь ли ты, из чего делают лопари свои дома? Не из дерева и не из камня, а из оленьих шкур.

Построить такой дом очень просто: берут несколько длинных, тонких жердей, втыкают их в снег, потом верхние концы жердей связывают вместе и покрывают оленьими шкурами. Вот и всё. Жилище готово. И называется оно не дом, не изба, а юрта.

Вверху оставляют небольшое отверстие — оно заменяет в юрте печную трубу. Когда в очаге разводят огонь, через это отверстие дым вытягивает наружу.

Внизу, с южной стороны, тоже оставляют отверстие — оно служит дверью, через него можно забраться в юрту и выбраться из неё.

Вот как живут лопари! Вот какая это страна!

А теперь начнём сказку сначала.

Жили-были в Лапландии муж и жена, лопарь и лопарка. Они жили в местечке Аймио, на берегу реки Тено-йоки.

Место это пустынное и дикое, но лопарю и его жене оно очень нравилось. Они были уверены, что нигде больше нет такого белого снега, таких ясных звёзд и такого красивого северного сияния, как в Аймио.

Здесь они построили себе юрту.

Юрта получилась очень хорошая — так, по крайней мере, думали лопарь и лопарка. В ней было тепло и удобно, хотя спать надо было прямо на полу, а полом служил белый снег.

У лопаря и лопарки был маленький мальчик, которого звали Сампо. Но у него было ещё другое имя. Вот как это получилось.

Однажды к юрте подъехали какие-то чужие люди в огромных, неуклюжих шубах. Они привезли твёрдые белые кусочки снега, которых лопари никогда раньше не видели. Этот твёрдый снег назывался сахаром. Он был очень вкусный и очень сладкий. Приезжие люди дали несколько кусочков сладкого снега Сампо, потрепали его по щеке и сказали: «Лопарёнок! Лопарёнок!» Больше они ничего не могли сказать, потому что никто из них не умел говорить по-лапландски.

Потом они уехали. Старой лопарке очень понравились эти люди. Она часто вспоминала сладкий снег, который они привозили, и даже стала называть сына так же, как они, — Лопарёнок.

Но старому лопарю это было не по душе.

— Разве Сампо плохое имя? — говорил он с досадой. — По-моему, это самое красивое имя. И оно ещё принесёт нашему сыну счастье и богатство. Вот увидишь, старуха, наш Сампо будет когда-нибудь первым человеком в Лапландии, повелителем пятидесяти юрт и хозяином тысячи оленей.

— Очень может быть, — говорила лопарка, — но, по-моему, и Лопарёнок неплохое имя.

И она называла сына Лопарёнком, а отец называл его Сампо. Поэтому мы будем называть его Сампо-Лопарёнком.

Сампо-Лопарёнок был маленький, коренастый мальчуган. У него были чёрные волосы, чёрные глаза, вздёрнутый нос и широкий рот. Словом, он был как две капли воды похож на своего отца, а старый лопарь слыл среди земляков первым красавцем.

Сампо-Лопарёнку было всего семь лет, но не всякий и в пятнадцать бывает таким смелым и ловким.

У него были свои собственные маленькие лыжи, на которых он не задумываясь съезжал с самого крутого холма, и свой собственный маленький олень, которого он запрягал в свои собственные сани.

Ты бы видел, какой снежный вихрь поднимался, когда Сампо нёсся на своём олене по высоким сугробам! Вниз-вверх! Вверх-вниз! Маленького Лопарёнка совсем не было видно, и только изредка в снежных облаках мелькала прядка его чёрных волос.

— Нехорошо, что мальчик ездит один куда ему вздумается, — сказала как-то мужу старая лопарка. — Того и гляди, на него нападут в горах волки или, ещё того хуже, золоторогий олень. Не было ещё человека, который мог бы справиться с золоторогим оленем — такой он сильный!

Сампо-Лопарёнок слышал всё, что говорила мать, и сразу решил, что уж кто-кто, а он-то справился бы с золоторогим оленем.

— Вот бы мне такого оленя! — воскликнул Сампо-Лопарёнок. — На нём, наверно, даже на Растекайс можно взобраться!

А надо тебе сказать, что Растекайс — самая высокая, самая неприступная гора во всей Лапландии, и её голая вершина видна на много миль кругом.

— Перестань болтать глупости! — прикрикнула лопарка на сына. — Растекайс — пристанище всякой нечистой силы. Там живёт сам Хийси.

— Хийси? А кто это такой? — спросил Сампо-Лопарёнок.

«Ничего-то он не пропустит мимо ушей, — подумала старая лопарка. — Пожалуй, не нужно было говорить ему про Хийси... А может, это и к лучшему! Не мешает немного припугнуть его, чтобы отбить охоту ездить на Растекайс. Очень уж он смелый!»

И она сказала:

— Хийси — это горный король, страшный, злой великан. Целый олень для него — всё равно что для нас один кусочек мяса, а маленьких мальчиков он глотает сразу пригоршнями. Я бы не советовала тебе взбираться на Растекайс.

Сампо ничего не сказал. Но про себя он подумал: «Вот бы посмотреть на этого Хийси! Издали, конечно!»

Было самое тёмное время года — ни утра, ни дня, ни вечера, всегда бесконечная ночь, всегда светит луна, всегда горят звёзды, и на тёмном небе полыхает северное сияние.

Сампо так давно не видел солнца, что даже забыл, какое оно — солнце.

А когда отец и мать говорили о лете, он только и мог вспомнить, что летом очень много комаров и они такие злые, что готовы съесть его живьём.

«Пусть бы совсем не было лета, — думал Сампо, — только бы стало немного светлее! А то в темноте так трудно ходить на лыжах!»

И вот однажды в полдень (хотя темно было так же, как в полночь) старый лопарь позвал сына и сказал:

— Поди-ка сюда, Сампо, я тебе покажу кое-что.

Сампо выполз из юрты.

— Посмотри вон в ту сторону, — сказал отец и показал рукой на юг.

Далеко-далеко, на самом краю неба, Сампо увидел маленькую красноватую полосу, очень похожую на отблески северного сияния.

— Знаешь ли ты, что это такое? — спросил лопарь.

— Это южное сияние, — ответил Сампо.

Он прекрасно знал, где находится север и где юг, и сразу рассудил, что на юге не может быть северного сияния.

— Нет, — сказал старый лопарь, — это не южное сияние. Это предвестник солнца. Завтра или послезавтра оно взойдёт. Да ты только погляди, как красиво освещена вершина Растекайса!

Сампо повернулся на запад: мрачная, тёмная вершина Растекайса была точно выкрашена красной краской. И он снова подумал: «Ах, как хорошо было бы посмотреть сейчас на великана Хийси! Издали, конечно!»

Но он ничего не сказал.

Весь этот день и полночи Сампо-Лопарёнок только и думал, что о великане Хийси. Он даже не мог спать.

«Если бы хоть раз увидеть горного короля! Один только раз!»

Он думал и думал и наконец потихоньку выбрался из-под оленьих шкур и выполз из юрты.

Мороз стоял такой, что всё вокруг так и сверкало, а снег под ногами скрипел от каждого шага.

Но Сампо-Лопарёнок холода не боялся. На нём была меховая куртка, меховые штаны, меховые сапоги, меховая шапка и меховые рукавицы.

А когда на тебе такой наряд, никакой мороз не страшен!

Сампо-Лопарёнок стоял около юрты, смотрел на звёзды, которые так и горели в небе, и раздумывал, что же ему теперь делать.

И вдруг он услышал, как его маленький олень скребёт копытом снег.

«А если я немного покатаюсь?» — подумал Сампо-Лопарёнок.

Сказано — сделано. Сампо запряг оленя в свои санки и помчался по огромному пустынному снежному полю.

«А не поехать ли мне в сторону Растекайса? — опять подумал Сампо. — Конечно, на саму гору я не буду взбираться, а только посмотрю, какая она вблизи».

Решено — и сделано.

Сампо-Лопарёнок погнал своего оленя через замёрзшую реку. С берега — вниз, на лёд! А потом — вверх, на другой берег! А потом всё дальше и дальше на запад, туда, где высится тёмная вершина Растекайса...

Вот сейчас ты читаешь эту сказку про маленького Сампо. А знаешь ли ты песенку: «Беги, мой оленёнок...»? Эту песенку пел Сампо в то время, как его олень мчался по снежным холмам.

Беги, мой оленёнок
С ветвистыми рогами,
По тундре, занесённой
Пушистыми снегами,
И лёд пусть будет звонок
Под быстрыми ногами!
Скорей!
Здесь вьюги строят
Высокие сугробы.
Скорей!
Здесь волки воют
От голода и злобы...
Скорей, олень, скорей!

И верно, волки, точно серые собаки, уже бежали за санями. Сампо видел, как в темноте горят у них глаза.

Но он нисколько не боялся волков.

Он знал, что никогда волкам не догнать его доброго оленя.

Весёлая это была езда! С холма на холм, всё вперёд и вперёд! У Сампо даже в ушах свистело. Копытца оленя дробно постукивали, месяц в небе мчался с ним вперегонки, а высокие горы надвигались навстречу.

И вдруг — раз! — сани перевернулись, и Сампо-Лопарёнок кубарем покатился в снег.

Олень, не чуя беды, бежал всё дальше, а Сампо даже не мог крикнуть: тпррру! — потому что рот у него был забит снегом (правда, так кричат, чтобы остановить лошаадь, а не оленя, но это не важно).

Прошло немало времени, пока Сампо-Лопарёнок выкарабкался из сугроба.

Сначала всё происшествие показалось ему даже забавным. И в этом нет ничего удивительного, — он был цел и невредим и совсем не ушибся.

Сампо-Лопарёнок огляделся по сторонам.

Всюду снег, снег, снежные поля, снежные горы... Одна гора была выше всех, и Сампо догадался — это Растекайс. Длинная чёрная тень от неё падала на снег.

Вот здесь, на этой горе живёт злой великан Хийси. Целый олень для него — то же, что для нас кусочек мяса, а маленьких мальчиков он глотает пригоршнями.

Ах, как страшно стало Сампо-Лопарёнку! Как захотелось ему быть подальше от этой горы, в тёплой юрте, около отца с матерью!

Но как добраться до дому? Ведь пока он будет искать дорогу, горный король увидит его и проглотит, словно жалкого, маленького комара.

Сампо-Лопарёнок даже заплакал от страха.

Но посуди сам: стоит ли плакать, если слёзы сразу же замерзают и, точно горошины, скатываются по

мохнатой куртке? Сампо-Лопарёнок подумал и решил, что не стоит, тем более что мороз с каждой минутой прохватывал его всё сильнее и ему приходилось приплясывать на месте, чтобы не замёрзнуть. А какие же могут быть слёзы, когда пляшешь!

Скоро Сампо-Лопарёнок немного согрелся и повеселел.

«Пойду-ка я к горному королю, — подумал он. — Если он захочет меня съесть — что ж, пусть ест. Конечно, было бы гораздо приятнее, если бы он съел волков, которые здесь рыщут. Они пожирнее, чем я, да и, кроме того, на мне ведь столько всего надето — и куртка, и штаны, и шапка, и рукавицы, и сапоги, — а у волка всего одна шкура!»

И Сампо-Лопарёнок смело зашагал к Растекайсу. Он уже был у самого подножия горы, как вдруг услышал, что кто-то за его спиной тихо ступает по снегу.

Сампо-Лопарёнок оглянулся. В двух шагах от него стоял огромный косматый волк.

Маленькое сердечко Сампо забилось сильнее, но он и виду не показал, что испугался.

— Эй, не вздумай съесть меня! — крикнул он волку. — Я иду к горному королю. У меня к нему очень важное дело. И если тебе дорога шкура, советую не трогать меня!

— Ну-ну, потише! — сказал волк (на Растекайсе все звери умеют говорить по-человечьи). — Кто ты такой?

— Меня зовут Сампо-Лопарёнок. А ты кто такой?

— Я вожак волчьей стаи его величества горного короля, — ответил волк. — Сейчас я рыскал по всем горам и равнинам и созывал подданных короля на праздник ночи. Раз уж нам с тобой по дороге, садись ко мне на спину — я, так и быть, довезу тебя до вершины.

Сампо-Лопарёнок не стал долго раздумывать. Он вскочил верхом на волка, и они помчались через горные ущелья и пропасти.

— Скажи, пожалуйста, что это за праздник ночи, о котором ты говорил? — спросил по дороге Сампо.

— Неужели ты не знаешь? — удивился волк. — Сегодня ведь должно взойти солнце. Перед его восходом на Растекайсе собираются все звери, все тролли и гномы, какие только живут на севере. Они сходятся сюда для того, чтобы проститься с ночью. И пока длится этот праздник, никто никого не смеет обижать. Таков закон его величества горного короля Хийси. Потому-то я и не съел тебя. Твоё счастье, Сампо-Лопарёнок, что мы встретились в такой час, а то от тебя давно не осталось бы даже косточки.

— А что, горный король тоже никого сейчас не трогает? — спросил Сампо-Лопарёнок.

— Ну конечно, — ответил волк. — Никто, даже сам король, не посмеет тронуть тебя. Целый час на Растекайсе царит мир. Олени в это время разгуливают под носом у медведей, горные крысы мирно беседуют с росяхами... Но плохо тебе придётся, если ты останешься на Растекайсе хоть одну лишнюю минуту! Сто тысяч волков и тысяча медведей набросятся на тебя. А если ты даже уйдёшь от них, тебе всё равно не уйти от горного короля.

— Милый волк, не будешь ли ты таким добрым и не поможешь ли мне вовремя выбраться отсюда? — робко спросил Сампо-Лопарёнок.

Волк рассмеялся (на Растекайсе все волки умеют смеяться).

— Даже не надейся на это, мой дорогой Сампо! — сказал он. — Признаюсь тебе по совести, что я пер-

вый схвачу тебя за горло. Я вижу, что ты неплохо откормлен — оленьё молоко и олений сыр пошли тебе впрок, — и я с удовольствием съем тебя на завтрак, когда праздник кончится.

«Не лучше ли мне вернуться назад?» — подумал Сампо.

Но было слишком поздно.

Они уже взобрались на самую вершину Растекайса.

Так вот он какой, этот горный король! Сампо глядел на него во все глаза.

Горный король сидел на троне из каменных скал и свысока глядел на своих подданных.

На голове у него была шапка из снежного облака.

Глаза у него были как две полные луны.

Его нос был похож на горную вершину.

Его рот был как расселина в скале.

Его борода была как застывший водопад.

Его руки были длинные и толстые, как стволы горных сосен.

Его пальцы были цепкие, как еловые ветви.

Его ноги были как утёсы.

Его шуба была как снеговая гора.

А если ты спросишь — неужели Сампо-Лопарёнок мог в ночной темноте разглядеть горного короля? — я тебе отвечу: снег внизу так блестел, а вверху в небе играло такое яркое северное сияние, что всё кругом было видно, будто днём.

Возле горного короля толпились тысячи гномов и троллей.

Ты знаешь, какие они?

С головы до пят они совсем серые: у них серые волосы, серые носы, серые глаза, серые щёки, серые руки, серые ноги... И они такие маленькие, что следы от их ног на снегу легко принять за беличьи.

Сейчас гномы и тролли собрались на вершину Растекайса со всего света, отовсюду, где царит мрак и холод, — с Новой Земли и Шпицбергена, из Исландии, из Гренландии и даже с Северного полюса. Все они очень боялись солнца и были бы рады, если бы солнце никогда не всходило. Раз уж оно зашло за пустынные горы, пусть там и остаётся!

Немного поодаль от королевского трона выстроились все звери — большие и маленькие, — какие только водятся в Лапландии: тут были свирепые медведи и коварные волки, хитрые росوماхи и кроткие олени, пронырливые горные крысы и бойкие оленьи блохи. Только комары не явились на праздник — они так замёрзли, что не могли даже шевельнуть крылышками.

Сампо-Лопарёнок слез потихоньку со спины волка и спрятался за высоким выступом скалы. Отсюда ему отлично было всё видно, а его самого не видел никто.

Вот горный король тряхнул головой — и сразу в синем ночном небе ещё сильнее запылало северное сияние. Оно охватило весь небосвод длинными бледно-красными лучами. В воздухе послышался треск и гудение, словно загорелся лес, и огонь с шумом взбегал по стволам сосен. Северное сияние то разгоралось, то угасало, то ярко вспыхивало, то бледнело, как будто ветер порывами проносился над снежными горами.

Горный король был очень доволен. Он ударил в ладоши, и в ответ ему загрохотали глухие раскаты горных обвалов, а эхо повторило их в глубоких ущельях.

Гномы и тролли завизжали от радости, а звери завывали от страха.

И вдруг над землёй раздался громовой голос горного короля:

— Солнце не смеет больше показываться! Так я хочу! Так будет! Так должно быть!

И послушное эхо повторило его слова:

— Так будет! Так должно быть!

Гномы и тролли страшно обрадовались.

— Да здравствует вечная тьма и вечный холод! — кричали они изо всех сил. — Так хочет король! Так будет! Так должно быть!

Но тут среди зверей поднялся глухой ропот. Волки и медведи были, пожалуй, согласны, чтобы вечный мрак и вечная тьма царили на земле. Горные крысы были того же мнения. А северные олени и другие звери ничего не имели против лета, хотя лапландские комары порядком изводили их в летние месяцы.

Что же касается маленькой оленьей блохи, то она решительно запротестовала против вечной зимы и вечной ночи.

— Как же так... — пропищала она и подпрыгнула повыше, чтобы все её видели. — Как же так? Ведь мы собрались сюда, чтобы проститься с ночью...

— Замолчи, жалкая тля! — заревел белый медведь. — Сегодня у нас праздник не такой, как всегда! Сегодня у нас будет настоящее веселье! Солнце никогда больше не взойдёт! Солнце погасло! Солнце умерло!

— Солнце погасло! Солнце умерло! — завывали волки, и даже ледяные горы и каменные скалы содрогнулись от ужаса.

А тролли и гномы с Северного полюса принялись прыгать и хлопать в ладоши.

И снова над пустынной землёй прогремел голос горного короля:

— Знайте все — солнце погасло! Солнце умерло! Всё живое на земле будет теперь поклоняться мне — королю вечной зимы и вечной ночи!

Тут уж Сампо-Лопарёнок не мог выдержать — он вышел из своего убежища и, задрав голову, крикнул:

— Ты лжёшь, горный король! Ты лжёшь! Солнце не умерло! Я сам видел вчера на небе его гонцов! Солнце взойдёт! И твоя борода растает, как только солнечные лучи покажутся над землёй. Вот увидишь!

Это была неслыханная дерзость. Горный король весь потемнел от гнева. Чёрные грозовые тучи сошлись над его головой.

— Кто ты такой? Как смеешь ты со мной спорить? — страшным голосом спросил горный король.

— Почему же мне не спорить с тобой, если ты говоришь неправду? — сказал Сампо-Лопарёнок. — А если ты хочешь знать, как меня зовут, — изволь, я скажу тебе: отец зовёт меня Сампо, а мать...

Но горный король не дослушал его:

— Для того, чтобы проглотить тебя, мне достаточно знать, как зовёт тебя отец!

И, забыв свой собственный закон, горный король протянул огромную ручищу, чтобы раздавить Сампо-Лопарёнка.

Но тут вдруг северное сияние померкло, и яркий красный луч ударил прямо в ледяное лицо горного короля.

Горный король зажмурился и опустил руку.

И тогда все увидели, что золотой край солнца стал медленно и торжественно подниматься над землёй.

Солнце осветило горные хребты, ущелья, снежные пустыни, заледеневшие сугробы, осветило всех гномов и троллей, всех больших и маленьких зверей и храброго Сампо-Лопарёнка.

Солнце весело посмотрело всем в глаза, заглянуло во все сердца. И всем почему-то стало весело. Даже

тролли и гномы с Северного полюса, которые больше всех хотели, чтобы солнце умерло, и те вдруг обрадовались, когда оно взошло. Правда, они всё время отворачивались от солнца, но это было одно притворство. И дело кончилось тем, что на радостях они стали кувыркаться и ходить вверх ногами.

Даже горный король со страхом заметил, что у него самого оттаивает сердце. Но что было ещё хуже — начала таять его борода, и скоро она быстрыми ручьями побежала по его снеговой шубе.

Трудно сказать, сколько прошло времени с тех пор, как взошло солнце, — никто об этом не думал, даже Сампо-Лопарёнок.

И вдруг он услышал, как за его спиной олень сказал своему детёнышу:

— Пойдём, сын мой! Пора! Надо скорее уходить отсюда, пока волки не смеют нас тронуть!

Тут и Сампо-Лопарёнок вспомнил, какая опасность грозит ему, если он останется на Растекайсе хотя бы одну лишнюю минуту.

Он поглядел по сторонам — олени уже почти все ушли.

И вдруг он увидел великолепного оленя с чудесными золотыми рогами. Недолго думая Сампо-Лопарёнок вскочил на него верхом, и они понеслись во весь дух вниз по крутому отвесу горы.

В другое время золоторогий олень ни за что не позволил бы человеку сесть к себе на спину, но сейчас он не обратил на это никакого внимания.

— Что это за топот слышен позади нас? — спросил Сампо-Лопарёнок, когда они были на середине горы.

— Это тысяча медведей гонится за нами, чтобы растерзать нас на куски, — ответил золоторогий

олень. — Но не бойся, ещё ни одному медведю не удавалось схватить меня за копыто!

И он мчался через обрывы и пропасти — всё вперёд и вперёд.

— Кто это так громко пыхтит позади нас? — спросил его Сампо-Лопарёнок, когда они были у самого подножия горы.

— Это сто тысяч волков гонятся за нами, чтобы съесть нас живьём, — ответил олень. — Но не бойся, ещё не было на земле волка, который бы догнал меня!

И он понёсся так быстро, что его копыта едва касались земли.

— Что это за гром гремит позади нас? — опять спросил Сампо-Лопарёнок. — Может быть, это горы обвалились?

— Нет, — ответил золоторогий олень, и каждая жилка у него задрожала. — Это сам горный король шагает своими семимильными шагами вдогонку за нами. Теперь мы оба пропали. От него никто не может уйти!

— Милый олень, давай спрячемся где-нибудь, — сказал Сампо-Лопарёнок.

— Нет, — ответил олень, — от горного короля нельзя спрятаться. Но если мы успеем добежать до озера, где стоит домик школьного учителя, — мы спасены. Горный король не имеет власти над тем, кто сильнее его.

— Да разве школьный учитель сильнее горного короля? — удивился Сампо-Лопарёнок. — Ведь горный король может раздавить его одним пальцем.

— Это верно, — сказал золоторогий олень, — но дело в том, что школьный учитель совсем не боится горного короля, поэтому-то он и сильнее его.

— Так мчись же, мой добрый олень, скорее, мчись по горам и долам, и когда мы вернёмся домой, я накормлю тебя золотым овсом из серебряных яслей!

Но оленя не надо было просить, он и так бежал быстрее быстрого — не бежал, а летел.

Вот уже показался домик учителя...

Одним прыжком олень перемахнул через ограду, ударом копыта открыл дверь и без сил упал на пороге...

Едва только дверь захлопнулась, как горный король уже бушевал во дворе. Он так колотил по стенам и крыше, что казалось, весь домик сейчас разлетится в щепки.

А учитель как ни в чём не бывало подошёл к двери и спокойно спросил:

— Кто там стучит?

— Ты ещё спрашиваешь, кто стучит? — закричал горный король. И от его страшного голоса затряслась земля, а домик пошатнулся. — Это я! Отворяй дверь горному королю! У тебя тут спрятался мальчишка, который посмел спорить со мной! За это я должен его проглотить.

— Ах, ваше величество, вам придётся немного подождать, — вежливо сказал учитель. — Я должен надеть свой парадный костюм и повязать галстук, чтобы достойно встретить такого высокого гостя.

— Ладно уж! — прогремел горный король. — Да смотри поторапливайся, а не то я тебя тоже проглочу, хоть ты и без галстука!

— Нет-нет, как можно, ваше величество! — воскликнул учитель. — Я непременно должен повязать галстук!

Потом он поманил Сампо-Лопарёнка к себе и тихо спросил:

— Откуда ты, малыш? Я никогда раньше не видел тебя в школе.

— А я никогда раньше и не был в школе, — ответил Сампо-Лопарёнок. — Я живу на берегу реки Тено-йоки.

— Как же ты попал сюда? — удивился учитель.

— Дело в том, что я был на вершине Растекайса, — сказал Сампо-Лопарёнок, — и мы с горным королём поспорили. Он сказал, что солнце никогда больше не взойдёт, а я сказал, что оно непременно взойдёт! И я был прав. Но всё-таки горный король почему-то хочет меня съесть.

— Это, конечно, несправедливо, — сказал учитель. — А скажи мне, как тебя зовут?

— Мать зовёт меня Лопарёнком, а отец...

Но в это время стены домика опять зашатались.

— Ну, скоро ли ты будешь готов? — прогремел горный король.

— Сейчас, сейчас, ваше величество! — ответил учитель.

А сам подошёл к печке, которая почти совсем погасла, и подбросил несколько поленьев. Пламя мигом вспыхнуло, и жаркий огонь загудел в трубе.

— Эй, ты! — заревел горный король. — Советую тебе поторопиться, а не то я растопчу сейчас твой дом!

И он уже занёс ногу над крышей, но сразу же отдёргнул, потому что из трубы посыпались искры, и великан так обжёг себе пятку, что чуть не завыл от боли.

Тут как раз дверь отворилась и вышел учитель.

Шея у него была повязана самым лучшим — в красную горошину — галстуком, а в руках у него была яркая лампа. Он поднял лампу как можно выше и почтительно сказал:

— Прошу простить меня, ваше величество, что я заставил вас ждать...

Но горный король не дал ему кончить.

— Как ты смеешь светить мне в глаза — мне, королю вечного мрака! — закричал великан и покрепче зажмурился. — Где мальчишка? Я спрашиваю: где мальчишка, который осмелился со мной спорить? Его зовут Сампо.

— Сампо? Простите, ваше величество, но здесь нет такого мальчика. Если хотите, вы можете сами поглядеть. — И он ещё выше поднял лампу.

— Что? Ты, кажется, тоже вздумал спорить со мной! — загремел горный король.

И он протянул свою страшную ручищу, чтобы схватить учителя. Но так как он очень боялся ослепнуть от лампы, открыть глаза он не решался. Поэтому учителю ничего не стоило увернуться от горного короля. Он ушёл, можно сказать, из-под самых его рук.

Тут уж горный король разбушевался не на шутку. Он топал ногами, тряс головой и в конце концов разразился такой метелью, что в один миг весь домик был занесён снегом до самой крыши. Только кончик трубы высовывался ещё наружу, но скоро и его не стало видно...

Когда горный король решился приоткрыть глаза, кругом был мрак, холод и снег...

— Ну-ка, теперь поспорь со мной! — закричал горный король и, прихрамывая, зашагал к себе на Растекайс.

С тех пор никто никогда не видел горного короля. Видно, он не решается больше спускаться с вершины Растекайса.

А наутро взошло солнце, снег растаял, и маленький домик учителя снова стоял как ни в чём не бывало.

Сампо-Лопарёнок поблагодарил учителя и стал собираться в путь.

Учитель дал ему свои сани, Сампо-Лопарёнок запряг в них золоторогого оленя, и они помчались к берегам реки Тено-йоки, домой, к родным местам.

А старый лопарь и лопарка уж и не надеялись увидеть сына живым. Маленький олень давно вернулся один, с пустыми санями. Как же тут было не подумать, что Сампо-Лопарёнка съели волки!

— Вот, отец, — говорила старая лопарка, утирая слёзы, — хоть и назвал ты нашего сына Сампо, а не принесло это ему счастья...

— Это ты отпугнула от него счастье, — говорил старый лопарь, тяжело вздыхая. — Не называла бы ты его другим именем, так и не случилось бы с ним беды...

Зато и обрадовались они, когда Сампо-Лопарёнок, живой и невредимый, подкатил к юрте, да еще на золоторогом олене!

— Видишь, жена, — сказал старый лопарь, — не зря всё-таки назвал я нашего сына Сампо. Он у нас и вправду счастливый!

— Да разве я что говорю! — согласилась лопарка. — Только, по-моему, и Лопарёнок хорошее имя.

Да что имя! Был бы он хорошим человеком, так и счастье своё найдёт!

И она по-прежнему называла сына Лопарёнком, а отец называл его Сампо.

И снова они зажили все вместе.

Золоторогий олень тоже остался у них. Правда, Сампо-Лопарёнок кормил его простым овсом из деревянных яслей, но оленю очень понравилось и это угощение.

А когда Сампо вырос и стал умным и храбрым, как школьный учитель, он сделал своему оленю серебряные ясли и каждый день засыпал в них зерно чистого золота.

Но это уже совсем другая история, и о ней ты услышишь в другой раз.

Солнечный луг в ноябре

Муравьи работали без отдыха и срока. Стоял ноябрь, а делу не видно было конца.

Прежде всего надо было наглухо законопатить все щели и щёлочки, чтобы никакой мороз и ветер не пробрался в муравьиное жилище.

Потом нужно было обойти все кладовые и проверить, достаточно ли там запасов, чтобы прожить пять или шесть месяцев в заточении.

Потом хорошенько укрепить все входы и выходы в муравьиный город на случай вражеского нападения.

Потом убрать все муравьиные дорожки и расчистить их от осыпавшихся хвойных игл.

И, наконец, надо было залезть на самое высокое дерево и оттуда наблюдать за всем, что делается на свете. А главное — следить за облаками, чтобы не пропустить приближение зимы.

Но не одни только муравьи готовились к встрече зимы. Этим были заняты все жуки, пауки, букашки, козявки — а их на свете 94 квинтиллиона 18 квадриллионов 400 тысяч триллионов 880 тысяч миллионов 954 тысячи 369!

Попробуй-ка напиши это число!

Мне сказали, что их ровно столько, но я не поручусь, что это правильно. Может быть, их всего только 94 квинтиллиона 18 квадриллионов 400 тысяч триллионов 880 тысяч миллионов 954 тысячи 368.

Земля уже покрылась инеем — семь тысяч миллионов застывших капель, семь тысяч миллионов жемчужин было рассыпано по земле, и никто их не поднимал.

Увядающие стебельки трав и деревья оделись в тёмные, печальные платья, и только сосны и ели остались в своих зелёных шубах, которые они никогда не снимали.

Ветры — резвые сыновья воздуха — сметали с облаков белые пушистые хлопья, чтобы укрыть землю.

Замерзающие волны напевали у берегов свою печальную песню, пока наконец сами не заснули под твёрдым ледяным покровом.

Всюду было холодно, пасмурно, печально...

И вдруг в это ненастное время блеснул солнечный луч. Самый настоящий луч небесного золота. Он пробился сквозь тёмную снеговую тучу, заблестел на жемчужинах инея, осветил увядшую траву, помертвевшие деревья, мрачные сосны, взглянул на трудолюбивых муравьев, на все 94 квинтиллиона букашек, жуков, пауков — сколько их в точности, я уже позабыл, — и в одно мгновение всё кругом изменилось.

— Что это? — с удивлением сказал филин и зажмурил глаза.

Он сидел на высокой сосне и пел басом: «Осень пришла, я слышу свист бури...» Голос у него был хриплый, скрипучий, но теперь, когда все певчие птицы улетели, и он мог сойти за певца.

— Это ни на что не похоже! — снова сказал филин. — Я даже начинаю фальшивить! Солнце совсем ослепило меня, и я не вижу, что написано в нотах.

Муравьи тоже были недовольны.

— Это никуда не годится! — говорили они с возмущением.

Они только что с большим трудом кончили нанизывать жемчужный иней на стебельки трав, а тут вдруг совершенно некстати блеснул солнечный луч, и все жемчужины начали таять.

— Нет, это никуда не годится! — ворчали муравьи. — Убирали, убирали, и вот опять — всюду слякоть и грязь!

Но пока они ворчали, солнечный луч уже побежал дальше.

Он скользил по чёрной, голой земле и вдруг наткнулся на засохший осиновый листок. Сюда, под этот листок, забился полевой кузнечик. Целое лето он трещал и прыгал, нисколько не заботясь о том, что с ним будет зимой, и вот теперь лежал полумёртвый от голода и холода.

«Наверно, зима уже кончилась и вернулось лето», — подумал кузнечик, пригретый солнечным лучом.

И ему стало так весело, что он снова затрещал, застрекотал и стал выкидывать такие коленца, что увядший осиновый листок и тот запрыгал вместе с ним.

А добрый солнечный луч как будто летел на treпещущих крыльях всё дальше и дальше.

Вот он скользнул по замёрзшему пруду, засверкал на ледяной глади. Здесь уже толпились школьники. Все они смеялись и кричали. Мальчики вычерчивали только что наточенными коньками затейливые узоры на льду, а девочки стояли у берега и осторожно — то одной ногой, то другой — пробовали лёд.

— Не нужно ли кого-нибудь согреть? — спросил солнечный луч.

— Нет, нет! — закричали ребята. — Нам и так жарко!

— Пожалуйста, только не растопи лёд! На коньках кататься так весело!

— Ну, если вам и без меня хорошо, я побегу дальше, — сказал солнечный луч.

Около поникшей печальной берёзы он снова остановился.

— О чём ты горюешь? — спросил солнечный луч. — Может быть, я могу утешить тебя?

— Нет, — ответила берёза, — меня не надо утешать. Ведь я знаю, что когда придёт весна, я снова зазеленею и стану ещё лучше, ещё красивее прежнего.

И солнечный луч опять побежал дальше.

Вот он заглянул в окно маленького домика и увидел девочку, которая стояла около цветочного горшка и горько плакала.

— Не могу ли я чем-нибудь помочь тебе? — спросил солнечный луч.

— Да, да, как раз ты мне и нужен! — обрадовалась девочка. — Я посадила весной миртовый отросточек. Всё время он так хорошо рос в горшке, а вот теперь совсем завял!

— Ну, этому горю легко помочь, — сказал солнечный луч.

И он засветил так приветливо и тепло, что миртовый росток сразу ожил, а у девочки высохли на глазах слёзы.

— До свидания! Весной я вернусь опять! — сказал на прощание солнечный луч и побежал дальше.

Ему пора было уже возвращаться домой. Но всё-таки он не утерпел и заглянул ещё в одно окошко.

На этот раз он попал в большую комнату, где всё было перевернуто вверх дном: ящики из комода выдвинуты, все вещи разбросаны. По комнате суетилась старушка и в десятый раз перекладывала всё с места на место. Старушка искала связку ключей. Только что они лежали вот здесь, на столе, а теперь точно сквозь землю провалились.

— Вот они! — весело воскликнул солнечный луч и уткнулся в связку ключей, словно показывая на них пальцем.

— Ах, да вот же они! — обрадовалась старушка. — Хорошо, когда солнечный луч проглянет. Всё тогда идёт на лад!

А солнечный луч уже исчез в окне. Он вдоволь набегался в этот день, и теперь ему надо было спешить. Тяжёлые, чёрные тучи уже затянули всё небо, и только в одном месте оставалась щёлочка, через которую солнечный луч мог проскользнуть. Хорошо, что он был такой быстрый — в один миг он очутился за четырнадцать миллионов миль, у самого солнца.

Он вернулся как раз вовремя.

Тучи плотно сошлись за ним, и тёмная завеса опустилась над землёй.

Но солнечный луч не унывал, — он знал, что это не навсегда. Поэтому он уселся на самый край солнца и ждал только удобного случая, чтобы снова соскользнуть вниз.

И каждый раз, когда он вспоминал своё путешествие на землю в пасмурный ноябрьский день, он начинал сиять так, как будто уже наступило лето. И в этом нет ничего удивительного: если тебе удалось хоть немного утешить или развеселить кого-нибудь, ты можешь считать, что сделал хорошее дело.

Подарок морского хозяина

Жил когда-то рыбак по имени Матти, по прозвищу Лосось. Жил он у самого моря. Да и где же ещё рыбаку жить? И была у него жена Майя, по прозвищу Лососиха. Да и как же иначе её называть? Если муж Лосось, так, уж конечно, жена — Лососиха.

Зимовали они в маленькой хижине на берегу моря, а весной переселялись на скалистый островок и жили там до глубокой осени. На этом островке была у них лачужка — ещё меньше, чем на берегу, — с деревянной щеколдой вместо замка и с плитой, сложенной из неотёсанного камня. Зато крыша лачужки была украшена флагштоком и флюгером, как дома настоящих моряков.

Скала, на которой ютилась хижина, называлась Ахтола и была не больше рыночной площади в городе, где рыбак продавал свою рыбу.

В расселинах скалы росла низенькая рябина и четыре куста ольхи. Кто знает, как их сюда занесло! Может быть, осенним приливом. Но как бы то ни было, деревья росли на острове, крепко зацепившись корнями за камень.

Но это ещё не всё. Кроме рябины и ольхи на острове было несколько кочек, поросших мягкой, как бархат, травой, несколько метёлок тростника, два кустика сон-травы, четыре стебелька кипрея и один красивый белый цветок с каким-то мудрёным названием.

Но самой большой достопримечательностью острова были четыре луковицы, которые вырастила на камнях Майя Лососиха.

Лук рос в небольшой ложбинке.

С севера он был защищён от холодного ветра каменным выступом, а с юга его пригревало солнце. И лук отлично рос.

Правда, четыре луковицы — это не так уж много, но всё-таки Лососиха очень гордилась своим огородом.

Вот так и жили старик со старухой, Матти и Майя.

Была у них ещё собака — небольшой лохматый пёс с важной кличкой Принц.

Старики говорят, что три — хорошее число. Да и как же было Лососю и Лососихе не говорить этого! Весной они ловили лососей, летом — салаку, а осенью — сига. По субботам — если погода была ясная, море тихое и ветер попутный — они отправлялись в город и там продавали свежую рыбу.

Правда, случалось, что по несколько недель подряд они не отлучались со своей скалы и не видели ничего, кроме рябины и лука, морских чаек и рыбы, грозных

туч и синих волн. Скала лежала далеко в море, и на милю кругом не было ни одного зелёного островка, ни одного жилища. Лишь кое-где над водой торчали скалы — такие же, как Ахтола, — и пенистые волны бились о них день и ночь.

Лосось и Лососиха были скромные люди. Если им удавалось засолить рыбы столько, что можно было кое-как перебиться зиму, да ещё выручить немного денег от продажи, — чтобы купить муки, трубочного табаку для старика и кофе для старухи, — они считали себя богачами.

Правда, в муку Лососиха прибавляла отруби, в табак подмешивала сушёный мох, а в кофе — жареный ячмень. Но всё-таки Матти и Майя были всегда довольны.

И всё шло бы как нельзя лучше, если бы Лососихе не пришла в голову одна вздорная мысль, которая не давала ей покоя. Лососиха хотела купить корову!

— Ну что ты будешь делать с ней? — говорил Лосось. — Корову и не перевезти сюда. Переплыть на остров она не может, а в нашей лодке не поместится. Да если у нас и будет корова — чем мы её кормить станем? Она ведь камень жевать не захочет!

— Зачем же ей камень жевать? Тут есть ольха и добрых шестнадцать кочек травы. Разве этого мало?

— Уж куда больше! — посмеивался Лосось. — Ты ещё забыла о своих луковицах. Можно кормить корову зелёным луком!

— Что ж, это верно, — говорила Лососиха. — А зимой корову можно кормить солёной салакой. Вот ведь и Принц ест у нас рыбу.

— Этого ещё не хватало! — возмущался старик. — Нет уж, благодарю покорно, слишком дорого обой-

дётся твоя корова, если её кормить салакой. Вот что, матушка, — лучше даже не думай о корове. И на том спасибо, что есть!

Лососиха только вздыхала. Конечно, старик прав, да ведь что поделатъ, если корова не шла у неё из головы! Кофе с кислым молоком казался ей уже не таким вкусным, и она мечтала о свежих сливках, как о величайшем счастье на земле.

И вот однажды, когда Лосось и Лососиха сидели у порога своей лачуги и чистили салаку, к острову подплыла красивая парусная лодка. В ней было трое молодых людей в белых фуражках — трое студентов, которые катались по морю без всякого дела, единственно ради своего удовольствия. Увидев, что на острове есть жильё, они решили пристать к берегу, чтобы немного подкрепиться.

— Эй, старуха, вынеси-ка нам горшок простокваши! — закричали они Лососихе.

— Ах, если бы у меня была простокваша!.. — сказала Лососиха и вздохнула.

— Ну, тогда тащи кувшин свежего молока, — сказали студенты, — только, смотри, не разбавленного!

— Ах, если бы у меня было молоко!.. — опять сказала старуха и вздохнула ещё тяжелее.

— Что такое? — удивились студенты. — Неужто у вас нет коровы?

Лососиха ничего не ответила. Слова студентов ранили её словно острый нож.

— Коровы у нас нет, — ответил за старуху рыбак. — Но если господа студенты пожелают копчёной рыбки, они могут через часок-другой получить самую лучшую салаку прямо из огня.

— Что ж, давайте хоть копчёной салаки, — сказали студенты.

Они попросту расположились на каменистом берегу и вытащили свои сигары и трубки.

А тем временем пятьдесят серебристых салакушек коптились на вертеле.

— Послушай, старина, — сказал один из студентов, — как называется этот камешек, на котором вы живёте?

— Чудно́ он как-то зовётся... Ахтола, что ли...

— Да неужто это и есть Ахтола! — воскликнул студент. — Что ж вы не попросите корову у морского хозяина? Уж, верно, он для добрых соседей не пожалеет!

— Какой там ещё морской хозяин? — проворчал Лосось.

— Как, вы ничего не знаете про морского хозяина Ахто? — удивился студент. — Ну, так я вам расскажу, что знаю сам. Вы, конечно, понимаете, что хозяин моря живёт в море. Глубоко под водой, как раз у подножия вот этой самой скалы, на которой мы с вами сейчас сидим, находятся его владения. Все рыбы и всё, что есть в море живого, подвластно морскому хозяину. А волны не смеют даже шевельнуться без его приказа. Целые стада самых лучших морских коров и табуны самых быстрых морских коней пасутся на его подводных пастбищах, поросших морской травой. Кого полюбит Ахто — того одаривает богатством. Но плохо тому, кто хоть чем-нибудь его рассердит! А сердится он то и дело. Чуть что не по нём — сразу разбушует. Из-за самого маленького камешка, брошенного в море, он может поднять целую бурю. И уж тогда отберёт все свои дары, да того, кто ему не угодил, утащит к себе на дно!.. Ну, что же вам ещё рассказать про хозяина моря? У него

есть жена — её зовут Велламо. Волосы у Велламо такие густые, а шлейф у платья такой длинный, что ей приходится держать прислужниц, которые заняты только тем, что расчёсывают ей косы и носят за ней шлейф. Целой свитой они следуют за Велламо, когда морская владычица поднимается со дна моря посмотреть на белый свет. И если они услышат музыку, они прячутся в камышах и, притаившись, слушают...

— А, русалки! Про них и я слышал... А что, господа студенты, сами, своими глазами, всё это видели — и морского хозяина, и его жену, и его подводные пастбища?

— Да, пожалуй, можно сказать, что видели. То есть мы прочли об этом в книгах, прочли собственными глазами, а раз это напечатано в книгах — значит, так оно и есть.

— Ну, это ещё ничего не значит! — усмехнулся рыбак. — Если бы всё было так, как напечатано в книгах, вчера была бы хорошая погода. А то в календаре напечатано: «ясно», а весь день бушевал ветер и дождь лил как из ведра. Вот и верь после этого тому, что напечатано!

— Так ведь календари для того и придуманы, чтобы всех обманывать, — засмеялся студент. — И это чистая правда! Вот и понимай: если написано — «ясно», значит, будет буря.

Лосось недоверчиво покачал головой.

Между тем салака была уже готова — из серебрястой она стала золотисто-коричневой, — и студенты принялись за еду. Они ели за шестерых, а Принца угостили остатками еды, которая была у них в лодке. От восторга Принц становился на задние лапки и облизывался, словно кот.

Когда последняя рыбка была съедена, студенты стали собираться в обратный путь. В благодарность за гостеприимство и угощение они вручили Лососю блестящую серебряную монету да ещё любезно предложили ему набить трубку их табаком. Лосось не стал отказываться — ведь не часто приходилось ему курить настоящий табак. И он принялся так усердно набивать свою глиняную трубку, что она не выдержала и треснула.

Долго ещё после отъезда студентов Матти Лосось горевал о своей трубке.

Принц тоже повесил нос. Он сел у самой воды и грустно смотрел вслед лодке до тех пор, пока белое пятнышко паруса не затерялось среди синих волн.

И Лососиха приумолкла, проводив гостей. Но чем дольше она молчала, тем больше она думала.

Она хоть и не показывала виду, что слушает болтовню студентов, но на самом деле не пропустила мимо ушей ни одного их слова.

Больше всего запал ей на ум рассказ о коровах морского хозяина.

«Вот бы мне такую корову! — думала Лососиха. — Вот бы доить утром и вечером такую прекрасную корову! И о корме заботиться не надо! Знай только готовь горшки под молоко и простоквашу да выставляй их на полку над окном... Нет, никогда мне не будет такого счастья!»

— О чём это ты размечталась? — спросил её Лосось.

— Да так, ни о чём, — ответила старуха.

А сама подумала: «А что, если взять да и попросить корову у морского хозяина? Может, он даже не знает, что у меня нет ни одной коровы?»

— Послушай, старик, — сказала Лососиха мужу, — не закинуть ли нам невод сегодня вечером?

— Что ты, старуха, разве не видишь, что буря собирается?

— Уж не вычитал ли ты это в календаре? — усмехнулась старуха. — Так ведь ты сам отлично знаешь, что календарю верить не следует.

— Календарь календарём, а ты посмотри, какие тучи надвигаются.

— Что ж, что тучи? Вчера и туч не было, да буря была, а сегодня море — точно зеркало. После вчерашнего-то ветра салака как раз будет хорошо ловиться.

— Да туча-то с северо-запада! — отвечал Лосось. — И Принц вон траву ест. Всё — к буре!

— Принц всегда ест мой лук, — не сдавалась Лососиха. — Послушай, — уговаривала она старика, — мы только один невод закинем, вон там, с подветренной стороны. Надо же нам наполнить бочку доверху, а то вся рыба испортится, если бочку долго держать открытой.

Разве старуху переспоришь! Пришлось Лососю согласиться. Они взяли сеть и отправились в море.

Лодка уже миновала отмель и выплыла на глубину, а Лососиха всё ещё не знала, как приступить к делу. Ведь студенты говорили, что Ахто очень сердитый — чуть что не по нём, сразу бурю поднимет...

И вдруг Лососихе пришла на ум старая песня. Эту песню она слышала когда-то, ещё девочкой, от одного хромого старика, которому всегда очень везло в рыбной ловле. И она тихонько принялась напевать, изменяя слова, как ей хотелось:

Кто тебе богатством равен,
Повелитель дна морского?
Но не жемчугом ты славен —
Хороши твои коровы.
Шаг их важен, взгляд их влажен,
По траве ступают гордо.
Каждый шаг размером в сажень,
В полторы сажени — морда!

— Что это ты поёшь? — удивился Лосось.

— Да так, просто мне припомнилась одна старая песенка, — ответила Лососиха и запела громче:

Повелитель бурь косматых,
Ахто, царь морей суровый,
Не прошу даров богатых,
А прошу одну корову!
Властелин пучины водной,
Я тебе отдам за это
Серебро луны холодной,
Золото дневного света!

— Что за глупая песня! — сказал Лосось. — Я ещё понимаю, что можно просить у морского хозяина рыбу, но просить корову — чистый вздор! Это всё студенты сбили тебя с толку своими разговорами!..

Но Лососиха пропустила его слова мимо ушей и опять запела свою песенку. А Лосось не стал больше с нею спорить — у него были свои заботы: сломанная трубка и прекрасный табак, который ему так и не довелось покурить, не выходили у него из головы.

Закинув невод, Лосось и Лососиха вернулись к себе на скалу и легли спать. Но сон не шёл к ним.

Лососиха размечталась о том, как заживут они, когда у них будет корова.

А Лосось высчитывал в уме, какой будет убыток, если начнётся буря и сеть пропадёт.

Когда время перешло за полночь, Лосось вдруг насторожился:

— Эй, жена, ты ничего не слышишь?

— Ну что там ещё? — проворчала Лососиха.

— Да что-то флюгер очень уж скрипит, — сказал Лосось. — Не слышишь? Как бы не разыгралась буря!

— Какая там буря! Флюгер скрипнул разок, а ему уже невесть что мерещится!

Лосось улёгся, но не прошло и пяти минут, как он снова поднял голову:

— Да ты послушай только, как он скрипит!

— Спи себе! — проворчала старуха.

Лосось опять лёг. Он даже натянул на голову одеяло, чтобы ничего не слышать. Но это мало помогло.

Наконец он не выдержал и вскочил с постели.

— Да неужели ты не слышишь, что флюгер мечется и визжит, будто в него бес вселился! Надо скорее спасти нашу сеть!

На этот раз Лососиха не стала спорить.

Они наскоро оделись и вышли из хижины.

Ночь была тёмная, хоть глаз выколи. Ветер выл и гудел со всех сторон. Море вокруг скалы было совсем белое от пены, точно покрыто снегом. А яростные волны вздымались до самой крыши хижины, обдавая стариков холодными брызгами.

Такой бури Лосось ещё не видывал на своём веку. Конечно, нечего было и думать о том, чтобы выйти в море за сетью. Лосось и Лососиха не решались даже на шаг отойти от дома и, чтобы ветер не унёс их, крепко вцепились в дверной косяк.

— Я говорил тебе, что не надо было сеть закидывать! — сурово сказал Лосось.

Лососиха ничего не ответила. Она стояла как пришибленная и со страху даже забыла о коровах морского владыки.

Постояв несколько минут, Лосось и Лососиха увидели, что им не остаётся ничего другого, как вернуться в свою хижину и ждать, пока буря стихнет. Они так и сделали.

Уставшие и продрогшие, они снова улеглись и скоро крепко заснули — так крепко, что не слышали, как яростно ревела буря вокруг их одинокой скалы.

На другой день, когда Лосось и Лососиха проснулись, солнце стояло уже высоко в небе. Непогода улеглась, только мёртвая зыбь ещё ходила на море, перекатывая водяные холмы, блестевшие на солнце серебром.

— Посмотри-ка, что это там на берегу! — воскликнула Лососиха, приоткрыв дверь.

— Да как будто тюлень, — сказал Лосось.

— Сам ты тюлень! — рассердилась Лососиха. — Я не я буду, если это не корова!

И что же вы скажете? По берегу в самом деле разгуливала настоящая корова, чудесная рыжая корова самой лучшей породы, гладкая, откормленная, словно всю свою жизнь она не ела ничего, кроме шпината. Она спокойно ходила по берегу и на жалкие кустики сорной травы, которыми так гордилась Лососиха, даже не смотрела.

Бедный Лосось глазам своим не верил. Но корова была самая настоящая. И Лосось убедился в этом, когда Лососиха принялась её доить.

Скоро все посудины — миски, горшки, кувшины и даже лодочный черпак — были наполнены самым прекрасным утренним молоком.

— Всё-таки это очень странно, — сказал Лосось, после того как выпил целый кувшин парного молока. — Откуда здесь могла взяться корова?

— Ничего странного тут нет, — сказала Лососиха. — Неужели же морской хозяин пожалеет одну корову для своих соседей?

— Ах, ты опять про эти басни! — усмехнулся старик.

— Не знаю, о каких баснях ты говоришь, — важно сказала старуха, — но, по-моему, молоко, которое ты только что выпил, самое настоящее.

Пришлось старику промолчать. Да и что тут скажешь! Молоко и вправду было самое настоящее.

В конце концов Лосось решил, что самое лучшее не ломать себе понапрасну голову. Есть корова — и хорошо. Не всё ли равно, откуда она взялась? У него были другие заботы: надо было искать пропавшую сеть.

Но ему не пришлось потратить на это много времени.

Волны выбросили его сеть на берег, и она была так набита блестящей салакой, что даже в глазах рябило.

— Кажется, ты говорил, что не следовало вчера закидывать невод? — сказала Лососиха, поглядывая на мужа. — А на мой взгляд, ты за всё лето не наловил столько рыбы, сколько в этот раз.

Лосось и рад был бы поспорить, да ведь как спорить, когда старуха была права! И он опять промолчал.

— Пожалуй, это не плохо, что у нас есть корова, — говорил старик, разбирая салаку. — Но чем мы её будем кормить?

— Придумаем что-нибудь, — сказала старуха.

Но корова сама нашла себе корм: время от времени она залезала в море и щипала морские водоросли, которые росли на больших отмелях у берега. Другая корова смотреть бы на такую траву не стала, а этой ничего другого и не надо. И всегда она ходила сытая, гладкая, а молока давала — хоть отбавляй.

Лосось и Лососиха нарадоваться на неё не могли. Только Принц неодобрительно относился к корове и лаял на неё. Но это было больше от обиды, чем со зла. Да и как тут не обидеться! Старик и старуха только и говорили теперь, что о корове, а на Принца никто уже не обращал внимания.

С того дня, как на острове появилась корова, Лосось и Лососиха зажили как нельзя лучше. Молоко и простокваша у них не переводились. Сети всегда доверху были полны рыбой.

От хорошей жизни Лосось и Лососиха раздобрели, а денег у них день ото дня становилось всё больше и больше.

Старуха сбивала масло целыми пудами, а старик едва успевал вытаскивать полные сети. Море стало для него словно большой рыбный садок — сколько он хотел, столько и вылавливал. Одному ему было уже не управиться, и он нанял в помощь двух работников.

Осенью, когда Лосось с Лососихой перебрались на берег, корова ушла в море.

А весной, когда они вернулись на свой «камешек», корова уже гуляла по отмели.

— Послушай, — сказала Лососиха на следующее лето, — нам нужен дом попросторней и получше. В этой жалкой хижине стало очень тесно.

— Твоя правда, — согласился старик.

И он построил на скале отличный дом, с настоящими замками на дверях, с кладовой для рыбы, с погребом для молока, и нанял ещё двух работников, потому что он теперь ловил столько лососей, сига, салаки и окуней, что в городе не хватало покупателей, и он повёл торговлю с заморскими купцами.

— Всё это очень хорошо, — сказала как-то Лососиха, — но мне не под силу вести такое большое хозяйство и на всех вас готовить. Не мешало бы нам нанять служанку для домашней работы.

— Раз нужно, так и наймём, — согласился с ней Лосось.

И они наняли служанку.

Но, как водится, для хозяйки работы в доме много, а для служанки — мало.

— Наша служанка прекрасно могла бы управиться с хозяйством, если бы у нас была не одна корова, а три. Да и молока стало не хватать, когда в доме столько народу.

— Так в чём же дело? — сказал Лосось. — Спой песенку морскому хозяину, и он подарит тебе ещё двух коров. Ему, видно, понравился твой голос.

Лососиха ничего не ответила. Но вечером она велела работникам спустить лодку. Когда лодка вышла на глубокое место, Лососиха запела свою прежнюю песенку, с той только разницей, что первый раз она просила у морского хозяина одну корову, а теперь — двух.

Ахто, царь пучины пенной,
Двух коров мне дай молочных,
Золотого дай им сена,
Серебристых стеблей сочных!
Чтобы пышное их вымя
Час от часу набухало
И потоками густыми
Молоко всегда бежало!

И вот на другое утро по каменистому берегу гуляли уже три коровы. Все они паслись в море, ели морскую траву и не требовали никакой заботы.

— Ну, теперь уж тебе не на что жаловаться, — сказал Лосось. — У тебя есть всё, чего ты хотела.

— Не совсем, — сказала Лососиха. — Я хотела бы, чтобы у меня были ещё две служанки, потому что одна не может управиться с таким большим хозяйством. Кроме того, мне хотелось бы купить себе хоть одно приличное платье. А то в моих тряпках стыдно уже показываться в городе. Разве ты не слышал, что меня теперь величают сударыней!

— За чем же дело стало? — спросил Лосось.

И не прошло трёх дней, как у Лососихи появились ещё две служанки и она накупила себе нарядных платьев, какие носят настоящие городские барыни.

— Всё было бы теперь хорошо, — сказала Лососиха, — если бы ты построил настоящий каменный дом, в два этажа, с башенкой и балкончиками. Кроме того, надо привезти хорошей земли и разбить около дома сад. В саду мы поставим беседку, чтобы я могла оттуда любоваться морем. Да неплохо ещё нанять музыканта, который играл бы для нас по вечерам на контрабасе... И потом, надо ещё купить небольшой корабль, чтобы можно было ездить на берег даже в бурную погоду.

— А больше тебе ничего не надо? — сказал Лосось, посмеиваясь. — Например, луну с неба, чтобы повесить её в нашем саду вместо фонаря?

И всё-таки он сделал всё так, как хотела Лососиха.

Теперь скала Ахтола была такой нарядной, а сама Лососиха такой важной, что все окуни, салаки и прочие морские жители не могли опомниться от изумления.

Принца теперь кормили одной только жареной телятиной и сливочными вафлями. Немудрено поэтому, что он стал круглым, как бочонок из-под килек.

— Ну, теперь и желать-то нечего! — говорил Лосось.

— Я бы не сказала этого, — возразила Лососиха. — Три коровы в хозяйстве — это не так уж много.

— Ну так попроси у морского хозяина ещё тридцать коров! — сказал Лосось.

Лососиха так и сделала. На этот раз она вышла в море на своём новом корабле и, распорядившись, чтобы Ахто выслал ей тридцать коров, вернулась на остров.

А на следующее утро целое стадо чудесных коров паслось уже на берегу.

— Знаешь что, старик, — сказала Лососиха за обедом, — здесь ужасно тесно, на этой крошечной, дрянной скале. Моим коровам совершенно негде пастись.

Старик только пожал плечами:

— Что за вздор ты мелешь! Не могу же я выкачать море! Впрочем, на твоём новом корабле есть насос.

Лососиха видела, что старик смеётся над ней, и не стала разговаривать. Но чем дольше она молчала, тем больше думала. И наконец придумала.

«Море выкачать, конечно, нельзя, — решила Лососиха, — но засыпать его можно. Я прикажу бросать в море камни до тех пор, пока наш остров не станет вдвое больше!»

И, не откладывая дела, она приказала грузить корабль камнями и песком и вместе со всеми работниками и даже музыкантом выехала в море.

Музыкант играл так хорошо, что сам хозяин моря Ахто и хозяйка моря Велламо со всеми своими служанками выплыли наверх, чтобы послушать чудесную музыку.

Велламо была в своём самом лучшем наряде — из белоснежной кружевной пены, а у служанок платья были украшены алмазными брызгами.

— Что это там сверкает у кормы? — спросила Лососиха.

— Это морская пена блестит на солнце, — ответил музыкант.

— Ну, вот тут и начинайте выбрасывать камни! — приказала старуха.

Корабль убавил ход, и работники принялись швырять камни прямо в морскую пену.

Плюх! Плюх! Камни так и посыпались направо и налево!

Один камень угодил в самый нос любимой прислужнице Велламо, другой поцарапал щёку ей самой, третий пролетел мимо головы Ахто и обрубил ему полбороды.

Ну и разбушевался морской хозяин! Волны забурлили, как вода в кипящем котле. В море поднялась такая кутерьма, что ничего нельзя было разобрать.

— Ой, что это! Откуда такой вихрь! — закричала Лососиха.

Но не успела она договорить, как море разверзлось — словно разинулась огромная щучья пасть — и поглотило корабль.

Лососиха камнем пошла ко дну. Но она так отчаянно барахталась и била руками и ногами по воде, что в конце концов всплыла на поверхность.

На счастье, она увидела контрабас, покачивавшийся на волнах. Лососиха уцепилась за него и поплыла к берегу.

И вдруг рядом с ней из воды высунулась голова — страшная, взъерошенная, с косматыми бровями, с ободранной бородой.

Это был сам морской хозяин Ахто.

— Как ты смела бросать в меня камнями? — заревел Ахто.

Лососиха вся задрожала от страха.

— Простите, ваша морская милость, — робко сказала она, — я очень жалею, что камешек задел вас. Помажьте бороду медвежьим салом, и она быстро у вас отрастёт.

— Ах ты, старая карга! Ты ещё разговариваешь! — загремел морской хозяин. — Мало тебе того, что я тебе подарил...

— Что вы, что вы, ваша милость! Уж я так вам благодарна за коров...

— А где твоя благодарность? — опять закричал Ахто. — Где серебро луны холодной, где золото дневного света, которые ты мне обещала?

— Ах, милостивый владыка, ведь луна и солнце светят вам каждую ночь и каждый день, если только погода ясная и небо не покрыто тучами! — сказала старуха.

— Ну и хитрая же ты ведьма! Погоди, вот я тебя сейчас проучу! — заревел морской хозяин и так подбросил контрабас, что он взлетел, точно снаряд, выпущенный из пушки, и со всей силы врезался в скалу...

Долго лежала Лососиха, не смея пошевелиться.

Наконец она с трудом поднялась, сделала несколько шагов и растерянно посмотрела по сторонам.

У берега бродил Принц, такой же тощий, как прежде, и глодал воронью кость.

На крылечке, в серой потёртой куртке, сидел Лосось и чинил сеть.

— Что это с тобой, жена? — спросил он, взглянув на Лососиху. — У тебя такой вид, словно ты с луны свалилась.

Лососиха хорошенько протёрла глаза, опять огляделась по сторонам и наконец спросила:

— Где же наш дом?

— Ну, матушка, ты, видать, совсем заспалась! Дóма своего не узнаёшь!

— Да нет, где новый дом, двухэтажный, с башенкой, с садом и беседкой? Где наш корабль и наши служанки? Где наши чудесные коровы?

— Ну и наговорила — полный короб небылиц! — сказал Лосось. — Пойди вылей себе на голову холод-

ной воды. Вчера на море ты пела какую-то чепуху, вот тебе чепуха и приснилась.

— Но я своими глазами видела морского хозяина Ахто! — не унималась старуха.

— Ну да, во сне и видела. Ты и во сне несла какую-то чушь!

— Но вот на берегу лежит контрабас нашего музыканта, — твердила старуха.

— Какой ещё контрабас! Это старое бревно, а не контрабас. Скажи лучше мне спасибо, что я сам за сетью съездил. Ночью-то какая буря была! Сеть всю как есть изорвало! Хорошо ещё, что в море не унесло. Нет уж, в другой раз ты меня, голубушка, не собьёшь с толку! Я всегда говорил, что лучше всякого календаря знаю, когда будет буря, а когда бури не будет. И теперь скажу то же самое.

Кнут-музыкант

Жил на свете мальчик по имени Кнут. Отца и матери у него не было, и жил он у своей бабушки в бедной хижине на берегу моря. Берег назывался Жемчужным, хотя, по правде говоря, никто никогда не находил здесь даже самой маленькой жемчужины.

У Кнута была одна рубашка, одни штаны, одна куртка и одна шапка. Летом он бегал босиком — и это не так уж плохо. А на зиму у него были шерстяные чулки и деревянные башмаки — это уж совсем хорошо.

Кнут редко бывал сыт, но зато всегда был весел. А ведь не так-то просто смеяться, когда от голода всё время сосёт под ложечкой! Не всякий может этим похвастаться!

Бабушка Кнута пряла шерсть, а Кнут носил продавать её в усадьбу господина Петермана.

На деньги, которые приносил Кнут, бабушка покупала ржаную муку, а из муки пекла лепёшки. Если выручка была хорошая, на столе появлялось даже кислое молоко. Но чаще всего приходилось сидеть на картошке со своего огорода. Правда, её тоже хватало ненадолго, потому что весь огород был не больше бабушкиного одеяла. Много ли соберёшь с такого клочка земли!

Однажды поутру Кнут сидел на Жемчужном берегу и перебирал желтоватые круглые камешки, которые были очень похожи на тёплые варёные картофелины. Только, к сожалению, их нельзя было есть, и Кнут забавлялся тем, что ловко закидывал их в воду.

И вдруг он увидел среди камней маленькую камышовую дудочку. Это была самая обыкновенная дудочка. У Кнута было таких с десятков — и подлиннее, и покороче, и потолще, и потоньше. Но эта, конечно, тоже не была лишней.

Кнут приложил дудочку к губам и легонько дунул. «Тра-та-та! Тра-та-та!» — весело залилась дудочка.

Кнут дунул ещё раз, и дудочка жалобно затянула: «Ой-ой-ой! Ой-ой-ой!»

Кнут дунул в третий раз, и дудочка ласково запела: «Баю-бай! Баю-бай!»

Кнут снова и снова прикладывал дудочку к губам, но никакой другой песенки она не пела.

Кнут спрятал дудочку в карман, а сам уселся на камень возле воды.

В этот день Кнут был очень голоден. На завтрак у бабушки не нашлось ничего, да и на обед, наверно, будет немногим больше.

«Ах, как было бы хорошо попасть сейчас на кухню господина Петермана!» — подумал Кнут, и ему даже показалось, что он слышит запах жареной салаки.

Чтобы не сидеть сложа руки, Кнут решил закинуть удочку. Но рыба, точно назло, не клевала.

После вчерашней бури море было беспокойно. Волны, как большие стеклянные горы, набегали на берег и, коснувшись песка, снова отбегали назад.

И вдруг одна волна — самая большая, самая высокая, — подкатилась к ногам Кнута, и в шорохе воды ему послышались слова:

— Кнут, не нашёл ли ты дудочку морской царевны? Она поёт только три песенки. Когда она поёт «тра-та-та!» — все смеются, когда она поёт «баю-бай!» — все засыпают, когда она поёт «ой-ой-ой!» — все плачут.

— Вот как! — сказал Кнут. — Значит, это волшебная дудочка? Да, я нашёл её, но теперь-то уж ни за что не отдам! Ступай-ка своей дорогой, волна!

Волна что-то сердито пророкотала, но что — нельзя было разобрать, и отхлынула от берега.

А Кнут достал дудочку из кармана и принялся её разглядывать.

— Так, значит, ты умеешь колдовать? А ну-ка наколдуй, чтобы рыба от меня не уходила!

Кнут дунул в дудочку, и она протяжно запела: «Баю-бай! Баю-бай!»

И вот — не прошло и минуты — у самого берега всплыл один окунь, за ним другой, за другим третий, потом всплыли лососи, щуки, сиги, а там пошла плотва, салака, колюшка и прочая быstroхвостая мелочь, какая только водится в море. Вся рыба, скованная сном, лежала на боку, тихонько покачиваясь в волнах. И уж столько её было, что хоть руками выбирай!

«Ого! Сегодня у меня будет богатый улов!» — подумал Кнут и побежал домой за корзинкой.

Но когда он вернулся, к берегу нельзя было подойти. Дикае утки, гуси, лебеди и другие незваные гости слетелись сюда, почуяв добычу, и с жадностью пожирали сонную рыбу. Самыми ненасытными, самыми горластыми были чайки. «Хватай! Хватай!» — кричали они наперебой так, что было слышно на полмили кругом.

И вдруг прямо в гущу этого крикливого птичьего базара врезался морской орёл. Он выхватил из воды самого большого лосося и полетел прочь.

Кнут чуть было не заплакал от обиды.

— Вот я вам покажу, воры! — закричал он и, схватив полную пригоршню камней, стал швырять в птиц. Кому он подбил крыло, кому зашиб лапу, но птицы всё равно не разлетались.

Кто знает, чем бы это кончилось, но тут со стороны залива ударил выстрел, потом ещё и ещё. После каждого выстрела птицы замертво падали в воду и, так же как рыбы, теперь покачивались на волнах.

Скоро почти все птицы были перебиты, а те, которых не настиг выстрел, с громким криком разлетались в разные стороны.

В это время из-за мыса выплыла лодка с тремя охотниками. Это был господин Петерман со своими друзьями. Сегодня охотники были очень довольны. Ещё бы! Такой охоты у них в жизни ещё не было!

— А, это ты, Кнут! — крикнул господин Петерман. — Как это тебе удалось подманить столько птицы?

— Да я вовсе не подманивал этих птиц, — сказал Кнут. — Я играл на своей дудочке рыбам, а птицы, как видно, тоже захотели послушать мою музыку.

— Видно, ты очень искусный музыкант, — сказал господин Петерман. — С сегодняшнего дня я так и буду называть тебя: Кнут-музыкант.

— Что ж, я согласен, — сказал Кнут.

Да и почему бы он стал спорить? Ведь Кнут-музыкант звучит ничуть не хуже, чем, например, Кнут Андерсон, или Кнут Седерлунд, или Кнут Матсон.

— Послушай, Кнут-музыкант, — сказал господин Петерман, подбирая из воды убитую птицу, — что это с тобой случилось? Ты стал тощий, как жердь.

— На что же мне быть похожим, если обедать мне приходится вприглядку? — весело сказал Кнут.

— Пожалуй, ты прав, — согласился господин Петерман. — Но сегодня я приглашаю тебя к себе на обед. Ведь если бы не ты, мы никогда бы не настреляли столько дичи. Только приходи не раньше четырёх, а то птицу не успеют зажарить. Но смотри не опаздывай — я не люблю ждать.

— Благодарю вас, — сказал Кнут, — я приду ровно в четыре.

А сам подумал: «Для того, кто ничего не ел со вчерашнего дня, не так-то легко ждать и до четырёх часов».

Наконец лодка, нагруженная дичью, отчалила от берега, а Кнут с пустыми руками пошёл домой.

— Ну, Кнут, много ли ты наловил рыбы? — спросила бабушка.

— Наловить-то я ничего не наловил, а видеть — много видел. Но рыбу съели птицы, а птиц подстрелил господин Петерман.

— Плохо дело, Кнут! — сказала бабушка. — Сегодня на обед у нас только и есть, что четыре картофелины, две салаки и пол-ломтя хлеба.

— Пусть всё это останется вам, бабушка, — сказал Кнут. — Я сегодня дома не обедаю. Господин Петер-

ман пригласил меня к себе на обед, и я принесу вам в кармане кусочек сыру.

— Смотри только не ходи через Киикальский лес, Кнут, — сказала бабушка. — Там живут эльфы. Там находятся владения горного короля, снежного короля и королевы лесов. Самое лучшее — идти берегом.

— Берегом очень далеко, бабушка, а я ведь со вчерашнего дня ничего не ел.

— Ну, иди как хочешь. Да не думай о еде, а то ещё больше захочется есть.

— Не беспокойтесь, бабушка. По дороге я буду повторять правила грамматики, — сказал Кнут и отправился в путь.

«Неужели же я потащусь по берегу, когда лесом дорога вдвое короче!» — думал Кнут, и, дойдя до поворота, он свернул на тропинку, которая вела прямо в Киикальский лес.

«Существительные бывают собственные и нарицательные... Что сие значит?» — спрашивал самого себя Кнут, пробираясь по лесной чаще.

Но он ещё не успел ответить на этот трудный вопрос, как вдруг увидел маленького сухонького старичка, который изо всех сил толкал тележку, нагруженную железными листами.

— А, здравствуй, здравствуй, Кнут-музыкант! — сказал старичок. — Что это с тобой? Ты очень похудел!

— Как же я могу потолстеть, когда со вчерашнего дня во рту у меня не было ничего, кроме правил грамматики! Но кто вам сказал, что меня зовут Кнут-музыкант?

— А я никого не спрашивал. Я сам знаю, кого как зовут.

«Это удивительно, — подумал Кнут. — Ведь даже я не знал ещё сегодня утром, что меня зовут Кнут-музыкант».

— Не могу ли я чем-нибудь помочь вам? — снова спросил Кнут старичка. — Я вижу, что вам трудно тащить эту тележку.

— Что ж, помоги, если хочешь, музыкант, — сказал старичок.

Кнут налёг на тележку, и они двинулись дальше вглубь леса.

У подножия горы, спрятавшейся в самой чаще, старичок остановился.

— Ну, вот мы и дома, — сказал он. — Пойдём со мной, Кнут, и я угощу тебя на славу за то, что ты помог мне дотащить тележку.

«Пожалуй, не будет большой беды, если я зайду на минутку», — подумал Кнут и вслед за стариком полез в расселину горы.

Они долго пробирались по узким каменистым ходам, пока наконец не дошли до огромной пещеры.

Стены, пол, потолок — всё тут сверкало и блестело золотом, серебром и драгоценными камнями.

— Неужели вы здесь живёте? — спросил Кнут.

— Ну да, это мой дворец. Ведь я горный король, — сказал старичок. — Завтра я справляю свадьбу моей дочки. Все мои придворные так заняты приготовлениями к свадебному пиру, что некому позаботиться о моём сегодняшнем обеде. Вот мне и пришлось самому отправиться в кладовую за припасами.

— Но ведь, если я не ошибаюсь, вы привезли какое-то железо, — сказал Кнут.

— Не какое-то, мой мальчик, а полосовое, и к тому же самого лучшего сорта. Оно гораздо вкуснее простой

железной руды. Полосовое железо — моё самое любимое кушанье, особенно если его раскалить добела. Ну-ка, признавайся, приходилось тебе когда-нибудь есть полосовое железо да ещё раскалённое добела?

— Что-то не припомню, — ответил Кнут.

— Ну так сейчас ты узнаешь, что это такое! — сказал горный король. — Смотри: вот я кладу в печь два железных листа. Через три минуты они будут совсем белые. Тогда лезь прямо в печь и откуси кусочек свежераскалённого железа.

— Благодарю вас, — сказал Кнут, — но я бы предпочёл кусок свежвыпеченного хлеба и миску простокваши.

— Посмотрите-ка на него! — воскликнул горный король. — Этот мальчишка, видно, совсем не понимает толка в еде! Полежай, говорят тебе, в печь, железо уже совсем готово!

— Нет уж! В печь я не полезу. Не очень-то приятно сгореть там, как щепка!

— Что за вздор ты мелешь? Там совсем не жарко. Обыкновенная комнатная температура.

И, схватив Кнута за шиворот, старик потащил его к пылающей печи.

Тут уж Кнут не стал долго раздумывать: что было сил рванулся он из рук старика и бросился бежать.

К счастью, он сразу нашёл выход из пещеры. Он бежал по лесу напрямик, не разбирая дороги. Колючие кусты можжевельника хватали его за куртку, словно хотели сорвать её с плеч, еловые ветки кололи ему глаза, вереск и голубика цеплялись за ноги.

Только когда каменная гора осталась далеко позади, Кнут перевёл дух.

«А ведь бабушка не даром говорила, что не надо ходить через Киикальский лес», — подумал Кнут, шагая по тропинке.

И чтобы идти было не так страшно, он снова принялся повторять правила грамматики.

«Существительные бывают собственные и нарицательные... Что сие значит?» — спрашивал себя Кнут.

Между тем в лесу становилось всё холоднее и холоднее.

«Что сие значит?» — с удивлением подумал Кнут.

Земля кругом была покрыта снегом, а поперёк дороги высилась огромная снежная гора.

«Вот так штука! — подумал Кнут. — Среди лета — зима!...»

Он сделал несколько шагов по снегу и вдруг провалился в глубокую яму.

Когда Кнут поднялся на ноги — ни леса, ни тропинки не было. Он стоял в сверкающем ледяном дворце. Все стены дворца были украшены зеркалами из чистейшего льда, полы устланы коврами сверкающего инея, а потолки усыпаны снежными звёздами.

Неуклюжие снежные чучела катались из угла в угол, а посередине стоял снежный великан — прямой, неподвижный, окоченевший. Борода у него была из ледяных сосулек, халат — из тонкого хрустящего льда, а башмаки — из замёрзшего ягодного сока.

— Здравствуй, Кнут-музыкант! — сказал великан. — Что это с тобой случилось? Ты таешь, как сосулька на солнце.

— Что же в этом удивительного, если со вчерашнего дня я не ел ничего, кроме кусочка калёного железа, — ответил Кнут, стуча зубами от холода.

— И всё-таки не следует так горячиться, молодой человек, — сказал великан. — Я — снежный король и от всех своих подданных требую хладнокровия. Поэтому-то из них и получаются настоящие снежные шары, крепкие и круглые. И тебя я тоже сделаю круглым, как шар... Эй, снежное чучело! Окуни-ка этого мальчишку семь раз в ледяную воду да повесь его на сучок — пусть промёрзнет хорошенько!

— Постойте! — закричал Кнут. — Я и так уже промёрз от головы до пят. Дайте мне лучше кружку парного молока и кусок жареного мяса.

— Слишком ты горяч, слишком горяч!.. Эй, снежное чучело! — приказал великан. — Дать этому мальчишке кусок замороженной ртути и кружку лихорадки!

Тут Кнуту и пришёл бы конец, если бы он не вспомнил вдруг о своей дудочке. Кнут поспешно сунул её в рот и стал дуть изо всех сил.

«Тра-та-та! Тра-та-та! Тра-та-та!» — заиграла дудочка.

И сразу лицо великана скривилось — не то от зло-сти, не то от смеха. Он был вне себя от ярости, но по-чему-то ни с того ни с сего ему захотелось смеяться. Смех так и разбирал его. И чем больше он злился, тем громче смеялся. Он так хохотал, так хохотал, что со-сульки со звоном посыпались с его волос и бороды. Его прямо трясло от смеха, и в конце концов колени у него подогнулись, а голова скатилась с плеч и разбилась вдребезги.

И все его придворные тоже катались со смеху до тех пор, пока совсем не развалились.

Даже ледяные зеркала во дворце и те лопались от смеха.

Кнут и сам едва удерживался, чтобы не рассмеяться, но всё-таки он играл и играл на своей дудочке, пока весь дворец не превратился в огромный сугроб... Поднялась метель. Снежный вихрь подхватил Кнута, закружил и куда-то понёс.

Когда Кнут открыл глаза, он снова стоял на лес-ной тропинке. Снег растаял, по всему лесу бежали шумные ручьи. Опять вернулось лето.

«Теперь буду глядеть в оба», — подумал Кнут, пробираясь по лесу.

Но не успел он сделать и нескольких шагов, как вдруг увидел чудесную зелёную полянку. Тут было столько спелой земляники, что казалось, будто вся трава забрызгана красными капельками.

«Пожалуй, не будет большой беды, если я пола-комлюсь немного ягодами. Ведь обед будет не раньше четырёх», — подумал Кнут.

Но едва только он протянул руку за земляникой, как все ягодки бросились от него в разные стороны.

«Ну и дела! — подумал Кнут. — В этом лесу, кажется, всё заколдовано, даже земляника».

Он наклонился к самой земле и тут только разглядел, что это вовсе не земляника, а крошечные лесные человечки — эльфы. Ростом они были не выше кустиков лесной земляники, и все были в красных юбочках и красных шапочках.

А на зелёной кочке посреди поляны сидела сама королева эльфов.

— Здравствуй, здравствуй, Кнут-музыкант! — сказала королева. — Так это ты распугал весь мой народ?

— Прошу простить меня, ваше величество, — сказал Кнут, кланяясь королеве, — но я принял ваших подданных за лесную землянику.

— Бедный мальчик! — воскликнула королева. — Ты, наверно, очень голоден?

— Как же мне быть сытым, если со вчерашнего дня я ничего не ел, кроме калёного железа и замороженной ртути! — сказал Кнут.

— Да, этим, пожалуй, сыт не будешь, — согласилась королева эльфов и, обернувшись к своим фрейлинам, приказала: — Дайте ему маковую росинку и комариную ножку! Пусть бедняга хоть раз поест досыта.

— Благодарю вас, — сказал Кнут, — но не лучше ли будет, если вы дадите мне корзинку земляники и ведро молока?

— Ну и грубиян ты! — воскликнула королева. — Мало того, что ты явился в моё королевство без спросу и раздавил тридцать моих верных подданных! Ты ещё смеешь спорить со мной!.. Эй, лесные пауки! Сюда! Принимайтесь за работу!

И тотчас с деревьев спустились тысячи длинноногих пауков. Они окружили Кнута со всех сторон и принялись опутывать его паутиной.

Кнут попытался было разорвать паутину руками, но руки его словно прилипли к куртке. Он хотел убежать, но не мог сделать ни шагу, как будто его спеленали. Глаза ему залепила густая паутиновая сетка, и кончилось тем, что он, как подкошенный, свалился в траву.

Ну и смех поднялся кругом! Вся лесная полянка смеялась над ним. Никогда ещё эльфы так не веселились! Они прыгали и скакали вокруг Кнута, танцевали на нём, щекотали ему нос и шею и вообще были в восторге от всей этой забавы.

— Теперь лежи здесь, пока сам не запросишь капельку росы и комариную ножку! — пищали они ему в самое ухо.

«Плохо моё дело», — думал Кнут.

И вдруг в голову ему пришла прекрасная мысль.

— Послушайте, маленькие эльфы, — взмолился Кнут, — для того чтобы вы на меня не сердились, я готов съесть не то что комариную ножку, а даже кусочек тростника! Пусть только кто-нибудь достанет его из моего кармана и сунет мне в рот.

Всем известно, что эльфы очень любопытны. Поэтому им, конечно, захотелось посмотреть, как это человек будет есть тростник.

И вот четверо смельчаков полезли, словно в глубокую пропасть, в карман Кнута. С трудом выволокли они тростниковую дудочку и потащили её сначала вверх по руке Кнута, потом по краю плеча, потом по шее, до самого подбородка. Тут они разом взялись за неё, подняли и приставили к губам Кнута.

И снова эльфы принялись танцевать и прыгать вокруг Кнута. Они так громко смеялись, что можно было подумать, будто целые тучи комаров пищат над поляной.

А Кнут, едва только дудочка оказалась у него во рту, дунул в неё легонько, и дудочка жалобно запела: «Ой-ой-ой! Ой-ой-ой!»

И сразу на полянке затих весёлый смех. Потом стало слышно, как на траву упала одна капля, потом другая, третья, и вот словно зашумел внезапно хлынувший дождь. Кнут хоть и не видел ничего, но сразу догадался, что это плачут эльфы. Ему даже стало жалко, что эти маленькие весёлые существа так горюют.

— Послушайте, — сказал наконец Кнут, — если вы освободите меня, я прикажу моей дудочке развеселить вас. А не освободите — так всегда и будете лить слёзы!

Ничего страшнее этого эльфы не могли себе представить. Громко всхлипывая, они бросились срывать с Кнута паутину, распутывать ему руки и ноги.

И вот наконец Кнут встал во весь рост и оглядел своих маленьких врагов. Ну и жалкий был у них вид!

Но всё-таки Кнут не мог отказать себе в удовольствии ещё разок пугнуть их.

Он снова дунул в дудочку, и она снова протяжно и жалобно затянула: «Ой-ой-ой!»

Бедные эльфы! Больше всего на свете они хотели смеяться, а эта ужасная дудочка заставляла их плакать.

Но Кнут не стал долго мучить их. Он ещё раз дунул в дудочку, и громкая, весёлая песня сразу зазвучала над поляной.

«Тра-та-та! Тра-та-та!» — заливалась дудочка.

Что тут сделалось с эльфами! Они чуть не сошли с ума от радости. Они прыгали так высоко, что могли достать даже жаворонков в небе. Кнут то и дело отряхивался, потому что эльфы сыпались на него, словно осенние листья.

— Ну, мне пора идти, — сказал Кнут, когда эльфы вволю наплясались. — До свидания, маленькие эльфы! Веселитесь, да не забывайте о моей дудочке!

И Кнут снова отправился в путь.

«С горным королём, со снежным королём и с эльфами я уже познакомился. Интересно, чем угостит меня королева лесов?..» — думал Кнут, шагая по лесу.

Он отошёл не очень далеко, как вдруг увидел в стороне от тропинки болото, поросшее морошкой.

«Не будет большой беды, если я съем несколько ягодок, — подумал Кнут. — Кажется, это самая обыкновенная морошка — не ходит, не говорит, не плачет и не смеётся».

У края болота лежала огромная старая ель, поваленная, как видно, бурей. Раздвигая густые, мохнатые

ветки, Кнут полез через толстый ствол. И вдруг — он так и обмер от страха — ель поднялась во весь рост, а Кнут повис высоко над землёй, зацепившись за ветку.

— Кто это осмелился потревожить меня после обеда? — хриплым, скрипучим голосом проговорила ель. — А, это ты, Кнут-музыкант! Ты что же, не знаешь, где ты находишься? Я — королева леса. На семь миль кругом тянутся мои владения. Видишь, какой у меня прекрасный дворец?

Кнут посмотрел по сторонам, но на семь миль кругом не было видно ничего, кроме дикого, непроходимого леса.

Стараясь быть как можно вежливее, Кнут спросил, нельзя ли ему спуститься на землю, чтобы собрать немного морошки.

— Что? Морошки? — зашумела ель. — Если ты голоден, ешь мох. Я прикажу тебе дать семь возов моха. Вот это будет настоящее королевское угощение!

— Благодарю вас, — сказал Кнут, — но я с большим удовольствием съел бы воз яблочного киселя и семь бочек мёда.

— Кисель, говоришь? Да я из тебя самого сделаю кисель!.. Эй, верный мой орёл! Бери этого мальчишку! Можешь приготовить из него обед для своих птенцов!

Кнут поднял голову. Тут только он увидел на вершине ели огромного орла, который смотрел на него кровожадными глазами. Хотя сам Кнут и не прочь был пообедать, но ему не очень-то улыбалось достаться на обед орлу. Он хотел было спрыгнуть вниз, но не тут-то было — колючие ветки крепко держали его за руки и за ноги.

Кнут совсем приуныл. И вдруг он почувствовал какое-то лёгкое прикосновение — словно кузнечик

пробежал по его рукаву, прыгнул на воротник, вскочил к нему на подбородок. Кнут скосил глаза. Это был маленький эльф. Когда все эльфы на поляне плясали и прыгали вокруг Кнута, он попал Кнуту в карман, да так и застрял там.

С трудом, точно из глубокой пропасти, выбрался он теперь из кармана и тащил за собой волшебную дудочку, которая была раз в шесть больше него самого.

— Играй! — сказал эльф, приставляя дудочку к губам Кнута.

Кнут сжал дудочку губами и дунул в неё.

«Баю-бай! Баю-бай!» — протяжно запела дудочка.

И сразу ель стала зевать, потягиваться всеми своими ветками и наконец, что-то бормоча о невежах, которые помешали ей поспать после обеда, снова растянулась на болоте.

Когда Кнут выкарабкался из-под веток, весь лес храпел так, как будто рычала добрая сотня медведей. Даже у кровожадного орла слипались глаза, и, тяжело взмахивая крыльями, он полетел прочь, засыпая на лету.

Кнут быстро перебрался через спящие деревья, поваленные сном, и выбрался на просёлочную дорогу.

Отсюда до усадьбы господина Петермана было уже совсем недалеко.

Кнут прибавил шаг. Но как он ни спешил, а всё-таки к обеду опоздал.

Когда Кнут вошёл в дом, все уже сидели в столовой за столом и ели жареную утку. Утка, как видно, была очень вкусная, и гости, не уставая, хвалили охотника, который её подстрелил, и повара, который её зажарил.

— Добро пожаловать, музыкант! — сказал господин Петерман, увидев Кнута. — Что же ты опоздал к обеду?

— Как же мне было не опоздать, когда я уже три раза был на званых обедах и попробовал калёного железа, замороженной ртути, комариной ножки с приправой из утренней росы и на сладкое семь возов моха! — весело сказал Кнут.

— Ого, не слишком ли это много? Боюсь, не объелся ли ты! — воскликнул господин Петерман. — Хорошо, по крайней мере, что мы тебя не ждали. После таких лакомств, ты, конечно, откажешься от обыкновенной жареной утки! — И он весело подмигнул гостям, очень довольный своей шуткой. — А чтобы тебе не было скучно смотреть, как мы едим, — добавил господин Петерман для утешения, — поиграй нам на своей дудочке, Кнут! Ты ведь отличный музыкант!

«Пожалуй, это будет потруднее, чем есть калёное железо и замороженную ртуть», — подумал Кнут. Но вслух сказал:

— Извольте! Если вам так хочется, я поиграю.

Он вытащил дудочку и легонько дунул в неё.

«Ой-ой-ой!» — грустно затянула дудочка.

И сразу же господин Петерман тяжело вздохнул.

Глядя на него, стали вздыхать и гости, на глазах у всех выступили слёзы, никто больше не хотел вкусной жареной утки.

«Ой-ой-ой!» — протяжно пела дудочка.

— Знаешь что, Кнут, — громко всхлипывая, сказал господин Петерман, — лучше уж садись с нами обедать! Что-то твоя музыка не очень весёлая... — И, уткнувшись лицом в салфетку, он залился слезами.

— Ну что ж, если вы так просите, я, так и быть, составлю вам компанию, — сказал Кнут.

Он спрятал дудочку в карман и сел к столу.

Понемногу гости успокоились. Они вытерли слёзы и, с опаской поглядывая на Кнута, снова придвинули к себе тарелки.

А Кнут как ни в чём не бывало принялся за суп, за пирог и за жареную утку.

Он был очень доволен, что проучил господина Петермана. Да и утка была отличная. Но что там ни говори, а дома, с бабушкой, обедать было гораздо веселее. Поэтому Кнут поспешил домой. Но своё слово он сдержал и принёс бабушке обещанный кусочек сыру.

Возвращался он берегом, и ему пришлось пройти лишние две мили.

И всё-таки дорога эта оказалась вдвое короче, чем дорога через Киикальский лес.

Дважды два — четыре

Заяц и белка были так дружны, что запросто называли друг друга по именам: белка звала зайца Косым, а заяц белку — Рыжехвостой.

Каждый день, встречаясь в лесу, Косой и Рыжехвостая весело приветствовали друг друга.

— С добрым утром, Косой! — говорила белка, помахивая пушистым хвостом.

— С добрым утром, Рыжехвостая! — говорил Заяц, похлопывая лапками по ушам. — Ты не слышала сегодня лая собаки?

— Да, сегодня ночью опять лаял Приссе. Но ведь он лает каждую ночь. Я не обращаю на него никакого внимания.

— Ещё бы! Кто же обращает внимание на Приссе! — небрежно отвечал Косой. — Приссе бояться нечего, даже если бы он был ростом с лошадь.

Поговорив таким образом, друзья шли на промысел.

— Всё, что мы найдём, мы будем делить с тобой поровну, — говорила белка. — Ты получишь ровно столько, сколько я, — не меньше и не больше, а я получу ровно столько, сколько ты, — не больше и не меньше.

— Я согласен, — отвечал Косой.

Сказано — сделано. И друзья отправлялись в путь.

Когда им попадалась на пути рябина, белка взбиралась на дерево и сбрасывала красные ягоды Косому — ровно столько, сколько съедала сама, не больше и не меньше. Когда же им случалось проходить мимо капустного поля, Косой отгрызал сочные кочерыжки и приносил их Рыжехвостой — ровно столько, сколько съедал сам, не меньше и не больше.

И вот однажды на большой проезжей дороге Косой и Рыжехвостая нашли четыре крупных румяных яблока. Это было так удивительно, что Косой и Рыжехвостая прямо не верили своим глазам. Откуда могли взяться на дороге эти яблоки?

А дело было очень просто.

Совсем недавно по этой самой дороге шёл Калле Нюгордс. Он шёл в школу и на плече нёс сумку, в которой лежали ломоть хлеба, кусочек сыру и четыре яблока. Эти яблоки Калле получил от матери в награду за хорошие отметки.

Да вот беда: сумка была дырявая, и через дыру все яблоки выкатились на дорогу.

Но как бы там ни было, Косой и Рыжехвостая нашли эти яблоки и принялись их делить.

Сперва показала своё искусство в арифметике белка. Она быстро решила эту трудную задачу: Косому досталось одно яблоко, а белке — три.

— Погоди... — сказал Косой неуверенно. — Мне кажется, что ты ошиблась. Дай-ка я сам разделю!

Тут только Косой понял, как трудно не ошибиться, когда делишь яблоки.

У Косого была своя арифметика, и на этот раз белка получила одно яблоко, а Косой — три.

— Нет, постой-ка, — сказала белка. — По-моему, ты тоже ошибся. Давай попробуем ещё раз.

Конечно, и Косой и Рыжехвостая были не очень сильны в арифметике, но всё-таки оба они отлично понимали, что одно яблоко — это меньше, чем три, а три яблока — больше, чем одно.

И они снова стали ломать себе голову, раздумывая над тем, как бы поделить эти яблоки совсем поровну.

А тем временем Калле шёл себе в школу. И вот по дороге ему захотелось полакомиться свежим яблочком. Калле сунул руку в сумку... Но напрасно он шарил в ней — яблок как не бывало. Зато на дне сумки Калле нащупал порядочную дыру.

«Выкатились на дорогу, — с грустью подумал Калле. — Пойду поищу — может, никто их ещё не подобрал».

И он повернул назад, в надежде найти своё потерянное сокровище.

Не прошёл Калле и ста шагов, как увидел на дороге зайца и белку. Они сидели у края придорожной канавы и о чём-то спорили.

— Поглядите-ка! Это Косой и Рыжехвостая! — воскликнул Калле. — Скажите, друзья, не видели ли вы моих яблок?

— Нет, твоих не видели. Но у нас есть свои, — сказала белка. — Да вот, кстати, не поможешь ли ты нам разделить поровну четыре яблока. Сколько уж времени мы бьёмся, а никак не можем поделить их так, чтобы одному досталось столько же, сколько другому, — не больше и не меньше.

— Ну, это совсем просто, — сказал Калле. — Каждому следует по два яблока.

— Да неужто! — воскликнули Косой и Рыжехвостая в один голос. — Откуда ты это знаешь?

— Как же мне не знать, что четыре разделить на два — два, а дважды два — четыре! — важно сказал Калле. — Я ведь хожу в школу!

— Это удивительно! — Косой и Рыжехвостая переглянулись. — Разве в школе учат, что дважды два — четыре?

— В школе всему учат, — сказал Калле.

— Подумать только! И ты всё знаешь?

— Да, почти всё. Я считаю свободно до семью семь, но дальше немного сбиваюсь.

Косой и Рыжехвостая смотрели на него во все глаза и не могли надивиться его премудрости. Они решили тотчас последовать умному совету: вытащили яблоки из канавы и приготовились делить их по всем правилам арифметики.

— Да ведь это же мои яблоки! — закричал Калле.

— Смотри-ка, он и это знает! — воскликнули Косой и Рыжехвостая. — Этот мальчик, наверно, знает

всё на свете! Как хорошо было бы поступить в школу и стать таким же учёным, как он!

— Ну что же, пойдёте со мной, — сказал Калле. — Я как раз иду в школу. Но имейте в виду: вы должны залезть под скамейку и сидеть там совсем смирно, потому что в классе никому не позволяют шуметь.

— А там собаки, случайно, нет? — спросил Косой.

— Собаки? Откуда же в школе может быть собака? Разве что украдкой проберётся Приссе, но его сейчас же выгоняют. Да и кто ж его боится!

— Конечно, бояться его нечего, — сказал Косой. — Ну, а если он всё-таки вздумает кусаться?

— Кусаться? Да он и кусаться-то не умеет, — сказал Калле. — Ведь это самый добродушный пёс на свете! Даже когда я тяну его за хвост, он только смеётся.

— Смеётся?

Косой и Рыжехвостая опять переглянулись. Они никогда не слышали, чтобы собаки смеялись. Но, видно, в школе можно всему научиться! Может быть, и они научатся смеяться?

Друзья решили непременно идти в школу.

— Мы, кажется, не трусы! — сказал заяц.

И вот Косой и Рыжехвостая храбро запрыгали по дороге.

Скоро они все втроем пришли в школу.

Ребята уже рассаживались по местам. Калле сел на своё обычное место, а Косой и Рыжехвостая юркнули под скамейку, да так быстро, что их никто даже не заметил.

В это время прозвонил звонок и в класс вошёл учитель.

— Сегодня мы будем повторять таблицу умножения, — сказал учитель. — Кто мне скажет, сколько будет восемью восемь?

«Ого, это помудрёнее, чем дважды два», — подумали Косой и Рыжехвостая и наострили уши.

Но тут дверь чуть-чуть приоткрылась и в класс прошмыгнул Приссе.

По всему его виду можно было сразу догадаться, что его не раз выгоняли отсюда. Он поджал хвост и неслышно пополз на брюхе, норовя поскорее забраться под скамейку.

И вдруг Приссе насторожился — он почуял поблизости что-то подозрительное. Приссе стал водить носом, шерсть на нём поднялась дыбом, и он заворчал.

— Ты опять здесь, Приссе! — закричал учитель. — Сейчас же убирайся! Пошёл вон!

Но Приссе словно не слышал, что ему говорил учитель. Он был уже около той скамейки, где сидел Калле, и, забыв все правила школьного поведения, яростно залаял.

И вдруг — фьи-и-ть! — что-то пронеслось по скамейкам, замелькало по столам, и на середину класса выскочили заяц и белка.

К счастью, окно было открыто.

Ого, как бросились они удирать!

А вдогонку за ними, заливаясь лаем, мчался Приссе.

Ну и переполох начался в классе! Все повскакали с мест и бросились к окну. Крик поднялся такой, какого даже на перемене не бывает, и никто в этой сумятице так и не узнал, сколько же будет восемью восемь.

А тем временем Косой и Рыжехвостая со всех ног улепётывали от добродушного Приссе.

Впрочем, на этот раз его никак нельзя было назвать добродушным. Сейчас он внушил бы страх хоть кому — хвост трубой, пасть разинута, глаза навывкате. Он даже не мог лаять, а тоненько, пискляво таякал — совсем так, как таякают его сородичи, настоящие охотничьи собаки, когда нападают на свежий след зайца.

Ещё немного — и он настиг бы свою добычу. Но Косой и Рыжехвостая были уже на опушке.

Одним духом белка взобралась на высоченную сосну и спряталась в её густых ветвях.

Приссе волчком закружился вокруг сосны. Он бешено лаял и рычал, но разве это могло помочь! Рыжехвостая была не так глупа, чтобы вылезти из своего убежища, и, притаившись среди веток, только посмеивалась.

А пока Приссе лаял и прыгал вокруг сосны, Косой, не теряя времени, скрылся в лесу.

Так Приссе и вернулся в школу ни с чем, очень смущённый своей неудачей.

Когда опасность миновала, друзья встретились в лесной чаще под кустом можжевельника.

Если бы они умели смеяться, весь лес, наверно, звенел бы от их смеха. Но и теперь они очень веселились, вспоминая свои приключения.

— Ты заметила, какой глупый этот Приссе? — сказал заяц. — Он, кажется, вообразил, что можно догнать меня! А ведь я бежал даже не во всю прыть.

— А ты заметил, что он совсем не может лазить по деревьям? — сказала белка.

— И что это Калле выдумал, будто он умеет смеяться? — сказал Косой. — Он лает, как самая обыкновенная собака. А мы-то поверили, что Калле всё знает!

— Да, если знаешь, что дважды два — четыре, это ещё не значит, что знаешь всё! — с важностью произнесла белка.

И это, конечно, совершенно верно.

Содержание

Зимняя сказка	5
Сампо-Лопарёнок	19
Солнечный луч в ноябре	41
Подарок морского хозяина	47
Кнут-музыкант	68
Дважды два — четыре	88

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Литературно-художественное издание

САКАРИАС ТОПЕЛИУС

СКАЗКИ ГОРНОГО КОРОЛЯ

Ответственный редактор *Антонина Балакина*

Художественный редактор *Иван Лицук*

Корректор *Ксения Казак*

Верстка *Максима Залиева*

Подписано в печать 26.10.2010.

Формат издания 60×90 1/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 6,0. Тираж 7000 экз.

Изд. № 90812. Заказ № 1015190.

Издательство «Амфора». Торгово-издательский дом «Амфора».
197110, Санкт-Петербург, наб. Адмирала Лазарева, д. 20, литера А.
www.amphora.ru, e-mail: secret@amphora.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Сто пятьдесят лет назад в мире уже не водились драконы, но ещё жили великие сказочники. Сакариас Топелиус – один из самых знаменитых сочинителей волшебных историй. Его сказками, в которых живут тролли, великаны и лесные духи, уже много-много лет зачитываются во всём мире дети и взрослые.

Топелиус родился и жил в Финляндии, а свои чудесные книги писал на шведском языке. Как и великому Андерсену, ему присущи поэтичность, мудрость, мягкий юмор и неистощимая фантазия.

З И М Н Я Я

С К А З К А

амфора
amphora.ru

ISBN 978-5-367-01498-3

В оформлении обложки
использована иллюстрация
Александра Яковлева

СКАЗКИ ГОРНОГО КОРОЛЯ

З И М Н Я Я

С К А З К А

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

САКАРИАС ТОПЕЛИУС

Сказки горного короля

А М Ф О Р А